

Очерки **Ал. Смирнова**

участника экспедиции, снаряженной Академией Наук в помощь Л. А. Кулику

Сотрудник „Следопыта“ Ал. Смирнов, в рнувшийся в Москву 23 ноября 1928 г. из экспедиции по оказанию помощи т. Кулику в районе падения тунгусского метеорита, собрал в течение своего двухмесячного путешествия богатый краеведческий материал о Тунгусии, об условиях работы т. Кулика и о падении „тунгусского дива“. В этом номере мы даем пока лишь вводную часть исключительно интересных и содержательных очерков т. Смирнова. Основной же материал будет помещен во 2-м и 3-м номерах „Всемирного Следопыта“.

Дата — 30 июня 1908 года — отмечена астрономами и метеорологами. Этот день был кульминационным днем исключительных в истории астрономии и метеоритики ночных зорь или белых ночей, наблюдавшихся в течение двух недель в Западной Европе и России до Черного моря включительно.

В этот же день около шести часов утра пассажиры сибирского поезда наблюдали в окрестностях Канска не совсем обычное зрелище. В северо-восточной части неба показалась огненная точка, которая по мере приближения к земле быстро увеличивалась в своих размерах.

Достигнув величины дневного светила, загадочное тело огненным зигзагом пронеслось над лесом и, оставляя за собой блестящий след, скрылось за щетинистым гребнем тайги. Вслед за этим послышался удар — точно о наковальню ударился гигантский молот, — потом еще и еще.

Звуковая волна нарушила таежную тишину и звоном задрезавших в окнах стекол всполошила только что поднимавшихся с постели обывателей Иркутска и Красноярска.

Приборы Иркутской физической обсерватории вышли из состояния покоя, а

на берегах Катанги ¹⁾ тунгусы в ужасе попадали на землю, умоляя добрых духов притти им на помощь, чтобы защитить их от грозного гнева всеокрушающего Огды ²⁾...

Что это было: комета, шаровидная молния, землетрясение?

Ни то, ни другое, ни третье. Это старушка-земля приняла в свои недра одного из посланцев далеких миров. Пассажиры поезда под Канском, тунгусы на Подкаменной Тунгуске и много других людей в Приангарье и Туруханском крае были свидетелями падения исключительного по своим размерам метеорита.

С того времени прошло ровно двадцать лет, а таинственный посланец небес еще лежит в таежных болотах за Подкаменной Тунгуской, повитый ожерельем тунгусских легенд. Ему не повезло с первых же дней пребывания на земле. Несмотря на то, что приход небесного гостя наблюдался тысячами людей, его тяжелая поступь была отмечена барографами и сейсмографами, горячее дыхание метеорита долетело до

¹⁾ Местное название Подкаменной Тунгуски.

²⁾ Дух грома и молнии.

самых отдаленных пунктов бывшей Иркутской губернии и Туруханского края, а там, где он поцеловался с Землей, на сотни километров преобразился таежный ландшафт, погиб весь животный и растительный мир, — всего этого, однако, оказалось недостаточно для того, чтобы привлечь к себе внимание научно-го мира того времени. Это, может быть, можно объяснить тем, что тогда метеоритика, как самостоятельная наука, еще не имела прав гражданства. Изучением метеоритов занимались попутно представители наук геологического цикла, а также астрономы.

Тунгусским дивом заинтересовалась лишь небольшая группа сибирских научных работников, которая и предприняла первую попытку найти место падения метеорита. Однако эта попытка успеха не имела.

Основываясь главным образом на показаниях очевидцев, наблюдавших падение метеорита из окон вагонов и в один голос утверждавших, что огненный шар упал в какой-нибудь версте от линии железной дороги, группа заинтересовавшихся метеоритом лиц ограничила свои поиски окрестностями г. Канска и, конечно, ничего не нашла.

Безрезультатность этих поисков вполне понятна, потому что было упущено из виду одно весьма существенное в таких случаях обстоятельство: лицам, наблюдающим падение какого-нибудь тела за горизонт, всегда кажется, что это тело упало где-то совсем близко — «за этой околицей, за этим леском»...

Так было и с тунгусским метеоритом.

Если бы его первым искателям пришла в голову мысль расширить район поисков—придвинуться на пятьсот километров к северу,—то и здесь от жителей приангарских селений они услышали бы то же самое: «небесный камень упал вот тут, за Ангарой»... На самом же деле его надо было искать даже и не за Ангарой, а еще на двести километров севернее, т. е. в пределах Тунгусии, за Подкаменной Тунгуской.

Как бы то ни было, а неудача первых поисков разочаровала даже тех, кто был заинтересован метеоритом с первого момента. Дальнейших поисков предпринято не было, и о небесном госте

скоро забыли. Не вспомнили бы, быть может, и до сего времени, но тут пришла на помощь простая случайность.

В марте 1921 года в руки научного сотрудника Академии Наук Л. А. Кулика случайно попал листок отрывного календаря от 15 июня 1910 года с заметкой о падении тунгусского метеорита. Это навело т. Кулика на мысль серьезно заняться этим делом, тем более, что в то время в Метеоритном отделе Академии Наук накопилось много сведений о падениях мелких метеоритов в Сибири и проектировалась экспедиция для проверки этих сведений. Попутно можно было выяснять вопрос и о падении этого метеорита. Хотя обстановка в тот момент была крайне неблагоприятна для снаряжения научной экспедиции, последняя, тем не менее, была осуществлена. Это была вообще первая метеоритная экспедиция, которая в то же время являлась первым шагом в научной работе по изучению тунгусского метеорита.

Материалы, собранные Куликом во время этой экспедиции, указали ему, где надо искать таинственного пришельца, но для этого нужна специальная экспедиция. С мыслью об организации такой экспедиции Кулик возвратился в Ленинград, и с этого момента «тунгусское диво» всецело овладело ученым. Подкрепив свои материалы солидными научными данными в виде сейсмических и барографических записей, собранных заведующим Иркутской обсерваторией А. В. Вознесенским еще в 1908 году, Кулик стал хлопотать об отпуске средств на экспедицию. Прошло, однако, пять лет, прежде чем вопрос об экспедиции на Подкаменную Тунгуску разрешился в положительном смысле.

В начале марта 1927 года Л. А. Кулик выехал из Ленинграда, а в конце того же месяца он уже был на фактории Ановар, т. е. в непосредственной близости от места падения метеорита. Тут он встретил тунгусов, а среди них даже непосредственных свидетелей «гнева Огды», и хотя они говорят об этом весьма неохотно и не иначе как шопотом, все же ученому удалось получить кое-какие сведения о том месте, где этот сердитый Огды «валил тайгу, кон-

чал оленей, кидал чумы»... Метеорит надо было искать где-то в верховьях реки Хушмо, правого притока Чамбэ.

Но дика, сурова девственная тайга и нелегко раскрывает она человеку свои сокровенные тайны. Два раза пытался Кулик проникнуть в район легендарного Великого Болота — места гнева Огды — и оба раза безрезультатно. Может быть, это он, Огды, не хочет, чтобы «люче» (русский) увидел Страну Мертвого Леса, где не живет ни зверь, ни птица и куда ни за какие блага мира не пойдет тунгус?

Нет, причины неудач были самого обыкновенного свойства. Первый раз Кулик должен был вернуться, потому что отправился к месту падения метеорита не на оленях, а на лошадях, — они по уши вязли в глубоком снегу. Во второй раз его подвел тунгус. Взявшись проводить ученого до границы метеоритного бурелома, тунгус взял в поход свою многочисленную семью, которой так понравились продукты экспедиции, что она поела их раньше, чем экспедиция добралась до границ бурелома. Кулику пришлось вернуться на факторию из-за недостатка продуктов.

Только при третьей попытке, уже по наступлении весны, Кулику удалось достигнуть заветной цели. Шестнадцать дней двигалась экспедиция на плотах вверх по реке Хушмо, преодолевая массу препятствий и испытывая множество приключений, а на семнадцатый день взору ученого открылось странное зрелище: глубокая долина, очерченная холмистым горизонтом, была вся завалена сплошным буреломом. Это не был обычный таежный бурелом, в котором деревья валяются без всякого порядка по всем направлениям, — это был бурелом строгой закономерности. Плотно прижатые к земле, слегка обожженные деревья были обращены вершинами в одну сторону...

Картина происшедшего стала совершенно ясна ученому, когда он, достигнув цирка гор на водоразделе между

Хушмо и Кимчу, обошел лысые гребни: тайга была повалена по радиусам, центром которых являлось Великое Болото. И этот центр был усеян множеством разной величины воронок, похожих своими очертаниями на лунные кратеры...

Итак, краешек завесы над событием, в реальности которого сомневались до того еще многие из ученых, был приподнят. Кулик нашел место падения метеорита. Дальше стоял вопрос об изучении района падения метеорита и извлечении из земли раздробившихся на осколки метеоритных масс.

Вернувшись в Ленинград, Л. А. Кулик весной 1928 года снарядил новую экспедицию и принялся за работу.

Лето. Июль на исходе. Таежные дубри кишат птицей и зверьем, но на плоскогории, что раскинулось между верховьями Хушмо и Кимчу, пусто и безжизненно. Тут — Страна Мертвого Леса. Ни движения, ни звука. Только таежный гнус — бесчисленный рой комаров, оводов и мошки — нарушает царящее вокруг безмолвие. Группе людей, копошащихся среди бурелома с цепью и теодолитом, гнус не страшен: против него можно защитить себя плотной одеждой и сеткой. Но у людей мало продуктов, их питание крайне однообразно. Над ними витает грозный призрак цынгил...

Сначала заболел молодой рабочий, за ним — другой, потом помощник Кулика — Сытин. Надо немедленно покинуть тайгу, пока еще воля к жизни не погашена страшной болезнью. Кулик вывел экспедицию ближе к фактории и тут расстался со своими сотрудниками. Прощаясь с ними, он говорил:

— Пока не кончу намеченных работ, я не уйду отсюда, что бы ни случилось...

И это решение было бесповоротным.

Место падения метеорита было найдено, но его тайна еще ни разгадана, а для таких людей, как Кулик, неразгаданная тайна природы — это источник великих исканий. Пренебрегая собственной безопасностью, ученый остался в тайге, чтобы искать...

(Продолжение в следующем номере)

ВСЕМИРНИ СЛЕДОПЫТ

ЦЕНА
50 КОП.

Очерки Ал. Смирнова

участника экспедиции, снаряженной Академией Наук в помощь Л. А. Кулику

Рисунки худ. П. Староносова

I. На север!

Сибирь встретила меня приветливо. За щетинистыми грядками Урала хмурое небо прояснилось, и солнечные, почти летние дни, чередуясь со звездными ночами, провожали меня до самого Тайшета. Погода не изменилась и тогда, когда, дождавшись в Тайшете новых участников экспедиции—И. М. Сулова и Д. Ф. Попеля,—командированных Красноярским исполкомом, мы погрузились на подводы. Три пары лошадей помчали нас на север.

Север! Как далек он был от меня еще неделю назад, и вот я уже смотрю ему в лицо и весь во власти его задумчивого очарования. Север манит того, кто видит его просторы в первый раз, и заставляет мечтать о себе тех, кто его покинул. Я знаю много людей, которые, раз побывав на Севере, неизменно к нему возвращались. В чем секрет этого очарования? На чем основана власть Севера над человеком?—Одних толкает к нему жажда новых знаний, фанатическая преданность науке, других Север покоряет своей романтикой.

Да, Север романтичен, потому что нигде знание не покупается ценой таких лишений и опасностей, нигде человеку не приходится так бороться за господство над природой, как в стране вечных льдов и северных сияний. История завоевания Севера—это история борьбы человека с суровыми стихиями,

непрерывных приключений, перед которыми бледнеет самая пылкая фантазия. Эта борьба нередко оканчивается не в пользу человека, и приключения превращаются в мрачные трагедии, но тем сильнее стремление исследователей проникнуть в сокровенные тайны Севера. Самой большой загадкой, занимавшей умы многих великих людей в течение не одного столетия, теперь уже не существует,—с северного полюса сдернуто таинственное покрывало. Но Север еще во многом—неразгаданная тайна.

Впрочем, мы не собираемся заглядывать слишком далеко в страну холода и загадок. Предел нашего путешествия—это некая географическая точка на высоте, приблизительно, шестьдесят третьей параллели, что еще нельзя назвать настоящим Севером. Это только его преддверие. Однако, взглянув перед отъездом на карту, я и на этом месте ничего не увидел, кроме белого пятна. Знаменитый исследователь Севера Фриуф Нансен, побывавший также и в Сибири, назвал ее «страной будущего». Это название справедливо во всех отношениях. Естественные богатства этой огромной страны лежат почти нетронутыми, а сама она, особенно ее северная часть, еще ждет людей, которые заполнили бы на ее картах белые пятна.

Напрасно я рылся в библиотеках, просматривал каталоги издательств,—я не нашел ничего, что познакомило бы меня с краем, лежащим между Енисеем

и Леной и занимающим пространство, почти равное Западной Европе. В литературе, как и на географической карте, это тоже белое пятно. Terra incognita ¹⁾. И тем сильнее было впечатление от тех известий, которые шли из этой неведомой земли.

Вот что сообщила газета «Советская Сибирь» за два дня до нашего отъезда:

«Заведующий крайлесотделом Собакин, производивший разведки в районе Подкаменной Тунгуски, двадцать пять дней назад встретил таксатора партии, Новикова, который передал, что видел в тайге рабочего Кулика. Рабочий ушел от ученого вследствие гнетущей обстановки. Кулик остался один в своей избушке. Ему угрожают бандиты. Из ангарских селений убежало пять сыльных уголовных, которые оперируют в верховьях Подкаменной Тунгуски. Грабят тунгусов, заставляя крестьян выпекать себе хлеб, расспрашивают, как пробраться к избушке Кулика. Бандиты предполагают, что ученый ищет в земле золото. В тайге может разыгаться жуткая драма»...

От затерявшейся в тайге избушки нас отделяет почти тысяча километров, и это расстояние мы должны преодолеть в кратчайший срок. Однако, путешествуя по здешним дорогам, никогда не следует спешить — иначе вы рискуете совсем не доехать до намеченного пункта. Если пословица «тише едешь — дальше будешь» где и применима, то именно в этом краю.

Первый станок мы покрыли в восемь часов, делая семь с лишним километров в час, но дальше скорость нашего движения круто пошла на убыль. Начались так называемые «волоки», то-есть перевалы через водораздельные хребты между долинами рек. От Тайшета до Ангары четыре волока, но длина каждого из них вполне соответствует сибирскому масштабу: последний волок равен ста двадцати километрам!

Подъемы на волоки сибиряки называют «тянугосами» — это очень меткое название. На таких участках пути повозку надо тянуть не только лошадям,

но и ямщику и пассажирам. Однако, протянув первый волок, мы лишились этого удовольствия: дальше дорога оказалась совсем непроезжей.

Хотя мы и не рассчитывали встретить в тайге торцовую мостовую, тем не менее, это препятствие было для нас несколько неожиданным. В Тайшете нас уверяли, что до Ангары мы докатимся в «коробках» ²⁾, «как яблочко». Мы уже готовы были пересечь на седло, но в деревне Неванке выяснилось, что до Выдриной мы можем добраться в лодках. Замена седел лодками показалась нам заманчивой, тем более, что плыть надо было по течению. Кроме некоторых удобств этого способа передвижения, мы могли выиграть и во времени. Дело было под вечер. Считая по пяти километров в час, мы должны были бы быть в Выдриной не позже утра, — от Неванки до Выдриной рекой — около пятидесяти километров. Дальнейшее, однако, вскоре показало несостоятельность наших расчетов. Прежде всего — найти лодки оказалось далеко не просто. Шел осенний лов рыбы, и все лодки были на рыбалках. Правда, нашлась одна лодка, но она не могла поднять нас с багажом, которого у нас было порядочно: красноярцы везли приличный запас огнестрельного оружия и боевых припасов на случай встречи с бандитами.

Не желая задерживаться в Неванке, двое из нас отправились в один из притоков Чуны, где были рыбалки, на поиски второй лодки. На это ушло несколько часов, да почти столько же времени потребовалось на оснастку лодок, так как они текли по всем швам. Когда все приготовления были закончены, обнаружилось новое обстоятельство: река, оказывается, изобилует «шиверой» ³⁾ и имеет два довольно сердитых порога. В некоторых местах ночью идти невозможно.

— Если у вас нет особого желания выкупаться, — сказал хозяин лодок, — то переход через пороги надо отложить до завтра.

¹⁾ Terra incognita (по-латыни) — неведомая земля.

²⁾ Коробки — сибирское название колесной повозки в роде тарантаса.

³⁾ Шивера — подводные камни.

Желания выкупаться ни у кого из нас не было, — по ночам у берегов уже появлялись кромки льда. До Выдриной мы добрались лишь к вечеру следующего дня, но и это было большим достижением. Сидя в перегруженных до

В Выдриной нам пришлось добавить пару лошадей, — к нам присоединился И. К. Вологжин, посланный на помощь Л. А. Кулику властями города Канска и Госторгом. Сибирь горячо откликнулась на дело помощи самоотверженному ученому. Может быть, он уже слышит среди таежного безмолвия шум пропеллера. Уже три дня, как из Иркутска вылетел самолет на Подкаменную Тунгуску...

II. В Приангарской тайге.

Тайга не знает полян, и лишь с перевалов открываются ее фиолетовые дали. Отсюда лесной простор, то взбегающий на округлые угоры, то опускающийся в глубокие пади, похож на море с застывшими волнами. Под Тайшетом эти волны были золотисто-пурпурного цвета, — там преобладала северная березка, еще не уронившая своих листьев. Но чем дальше на север, тем реже береза, меньше золота, больше темной зелени, подернутой серыми плешами. Зелень — это сосна, ель, пихта, изредка кедрач.

Серые плеша — лиственница, теряющая на зиму свой убор.

Несколько часов потребовалось на ремонт лодок, так как они текли по всем швам...

отказа дырявых посудинах, мы были сухи, и, что особенно удивительно, ни одна вещь из нашего багажа не осталась на дне Чуны. Впрочем, это надо приписать тому, что, переходя пороги, мы выгружались и перетаскивали багаж на своих плечах.

Деревья в Приангарье достигают колоссальных размеров. Словно готические колонны, тянутся вверх красавицы-сосны, буйно переплетаются ветвями ель и пихта. Современем эти леса на многие десятки лет обеспечат мировой рынок первосортным строительным материалом, а пока это край почти первобытной дикости. Хаотический бурелом делает тайгу недоступной для непривычного человека, и нужна большая сноровка—сноровка таежника-чалдона,—чтобы гоняться за зверем или птицей по этим дебрям.

А зверем и птицей здешняя тайга еще богата,—не нужно даже сходить с дороги, чтобы иметь дичь на ужин. Рябчики и полевики снимаются чуть не из-под ног наших лошадей. Птица выходит на дорогу подбирать упавшие с проезжающих подвод зерна овса. Заслышав характерное фырканье, первым срывается с коробкa наш комсомолец Д. Ф. Попель или, попросту, Митя. Он у нас самый рьяный охотник.

Обычно лесная чаща так прячет своих пернатых обитателей, что в ветвях их нескоро разыщешь. Но вот sereneкий глупыш садится на дерево совсем на виду,—его можно снять, не вставая с повозки. Однако у Мити свой метод охоты. Держа наготове мелкокалиберную винтовочку, он ищет глазами местечко, где бы можно было прилечь, так как предпочитает стрельбу лежа. Ложится на одно место—не видно цели, переходит на другое—неудобно лежать. Наконец пристраивается.

После этого можно было бы ждать выстрела, однако, еще не все приготовления закончены: нужно освободить винтовку от носового платка, которым Митя обвязывает затвор, чтобы не потерять диоптр¹⁾, затем вынуть из ствола тряпку, предохраняющую его от сырости. Только тогда ствол винтовки направляется в сторону рябчика.

Кругом—ни звука. Лошади, довольные неожиданной остановкой, стоят не шевелясь. Госторговец Вологжин, обладающий счастливой способностью засыпать при всяких обстоятельствах и во

¹⁾ Диоптр— приспособление для более точной наводки в цель.

всяком положении, уже клюет носом, а Митя все еще целится. Может быть, потому, что дичь здесь не пуганая, а может быть, просто приготовления охотника заинтересовали рябчика, но он также терпеливо дожидается выстрела.

Наконец раздается треск, похожий на треск сломанного сучка,—это выстрел Митиной винтовки. Рябчик с любопытством вытягивает шею, стараясь рассмотреть, что происходит внизу, а охотник ждет, когда дичь упадет с дерева. Убедившись, однако, что рябчик не намерен этого делать, Митя вкладывает в ствол новый патрон.

Так повторяется до трех раз, а птица все еще не падает. Митя поднимается с земли и говорит:

— Очевидно, мушка сдвинулась. Надо пристрелять...

Вы думаете, что, говоря о пристрелке, Митя имеет в виду сделать ее потом, на остановке?—Ничуть не бывало! Несмотря на наши протесты, он приступает к ней немедленно. Ведь рябчик еще продолжает сидеть, и для него, Мити, было бы позором не свалить его в конце концов с дерева. В ближайшую колоду летит несколько пуль, и Митя идет смотреть пробоины.

— Так и есть, надо целиться чуть вправо,—торжествующе объявляет он. Возвращается на прежнее место и снова наводит винтовку на рябчика. Но тот, вероятно, уже удовлетворил свое любопытство, ждать повторения кажется ему скучным: показав охотнику хвост, он снимается с дерева и благополучно улетает...

Такой способ охоты, может быть, и хорош, но он отнимает слишком много времени. Мы категорически заявляем молодому охотнику, что он может стрелять в пути по рябчикам не больше одного раза и, разумеется, без пристрелки. Ее он может с полным успехом делать на остановках. Мы и без того двигаемся черепашим шагом.

К бесконечным тянугосам присоединился «колодник», в борьбе с которым проходят часы. Через каждую сотню шагов приходится вылезать из коробков, чтобы перетаскать повозки через огромные стволы поваленных бурями деревьев. Объехать их нельзя—по сто-

ронам тайга стоит непролазной чащей. Однако самое худшее, с чем нам приходится иметь дело,— это переправы через мосты.

Дорога, по которой мы плетемся, носит громкое название «тракта». Проложен этот тракт переселенческим управлением в 1913 году с целью колонизации долины Ангары, но с тех пор он ни разу не ремонтировался и почти зарос, превратившись в узкую лесную просеку. Многочисленные мосты также пришли в полную негодность. Представляя из себя груду полусгнивших свай и бревен и не имея подъездных гатей, которые размыло и снесло вешними водами, мосты местами возвышаются над горизонтом на несколько метров и похожи на доисторические свайные постройки. На такую постройку надо подняться с повозкой, чтобы переправиться через топь.

Один путешественник-француз, каким-то образом попавший в здешние места, так отметил в своем дневнике эти мосты:

«По пути нам часто попадались какие-то странные сооружения из леса, которые нам приходилось объезжать стороной. Эти сооружения русские называют «ле мост»...»

Француз ехал зимой, а потому мог «ле мосты» объезжать. Для нас же эти замечательные сооружения являются единственным средством переправы через таежные реки и топи. Берем их приступом. Выпрягаем лошадей и на руках втаскиваем повозки на перекосившийся настил, ежеминутно рискуя полететь вниз, в липкие объятия таежного зыбуна.

Попав в этот зыбун, человек, может быть, и выберется, но для лошадей— это верная смерть.

Мы должны благодарить судьбу за то, что нет дождей, которые сделали бы переправу в некоторых местах невозможной. Погода благоприятствует нашему путешествию. Дни стоят неизменно ясные, словно осеннее солнышко решило как следует приласкать тайгу перед зимней стужей. Предвестники зимы, ночные заморозки, уже покрывают корочкой льда лесные болота, но мы успеем добраться до Ангары до начала

«шуги»¹⁾, которая затруднила бы дальнейший путь. А вот и первые вести с этой реки...

Встречаем подводу с тремя седоками— это первая встреча с людьми за последние двое суток пути. В числе встретившихся людей— рабочий из экспедиции Кулика, некто А. Кулаков, возвращающийся с Ангары домой после работы у кино-оператора Струкова. Забрасываем Кулакова вопросами об ученом, но ему нечего сообщить, кроме того, что нам уже известно. Кулаков ушел от Кулика, заболев цынгой, одновременно с Сытиным, и что случилось затем с ученым, он не знает. На Ангаре, по его словам, про Кулика болтают много вздора. По одним рассказам— его уже давно нет в живых, по другим— его недавно видели в Кежме. Есть и такой вариант: Кулик нашел в тайге много золота; захватив его полный мешок, он уплыл на лодке по Подкаменной Тунгуске неизвестно куда...

Тайга верна себе: вокруг имени ученого она уже сплетает легенды. После разговора с Кулаковым мне становится ясно, что ничего достоверного о Кулике мы не узнаем до тех пор, пока не разыщем его сами.

III. В лодке по Ангаре.

В Дворце—маленькой деревушке, прилепившейся на обрывистом берегу Ангары и неизвестно почему присвоившей себе это громкое название— перегружаемся в лодку. Ангарские лодки так вместительны, что одной вполне достаточно, чтобы поднять нас со всем багажом, включая тяжеловесный ящик с оружием. Остается даже место для лежания, что очень кстати: не прерывая движения, мы в то же время можем выспаться. За весь путь от Тайшета спать приходилось только урывками.

Вечереет. На западе, цепляясь последними лучами за щетинистые хребты, в багровом пламени умирает солнце. Предвечерняя гладь воды развертывается между сопками полированным стеклом, в котором отражаются скали-

¹⁾ Шуга— движение льда перед замерзанием реки.

стые берега. Вверху плывет косяк диких гусей. Призывный крик с реки приглашает пернатых путешественников сделать остановку, но они продолжают свой путь на юг.

За бортами лодки журчит вода. Две девушки-подростка, легко и привычно ступая по камням, тянут бечеву. Идем на лямках. Ангара тороплива в своем стремлении обняться с многоводным Енисеем, — веслами против течения ее не осилить. Сто сорок километров, которые надо пройти до Кежмы, потребуют не менее трех суток непрерывного движения, в то время, как на обратный путь уходит меньше суток. Сухопутных

Встречная лодка держит курс по фарватеру, но, поравнявшись, мы вступаем с ней в разговор через реку. Несмотря на большое расстояние (Ангара в этих местах имеет ширину до двух километров), слышим друг друга прекрасно.

Задаем вопрос: прилетал ли в Кежму самолет? Это принимают за шутку. Самолет в Кежме! Что ему делать в этом медвежьем углу? Большинство населения не имеет понятия даже о железной дороге.

Объясняем, в чем дело, и ответ получаем отрицательный. Самолет в Кежму не прилетал, и там о нем ничего не знают. Вести по реке распространяются быстро, и если бы он пролетал где-нибудь в этих местах, о таком выдающемся событии, несомненно, было бы известно.

Представляя из себя груды полусгнивших свай и бревен, мосты были похожи на доисторические свайные постройки...

дорог по берегам реки нет. Там залегли хребты — дикие, непролазные.

На горизонте показывается лодка. Это сверху идет последняя перед ледоставом почта. Ангара, будучи естественной дорогой края, в то же время служит и почтовым трактом, по которому раз в две недели в эту глушь приходят вести из культурного мира. Весной и осенью, когда вскрывается и замерзает река, эта связь надолго прерывается.

Что помешало Сытину долететь до Кежмы? Он вылетел из Иркутска на «Моссовете» одновременно с нашим выступлением из Тайшета... Но каковы бы ни были причины неудачи полета, мы не должны останавливаться в Кежме. Нам необходимо продолжать путь и позаботиться о проводнике. В моем блокноте записан адрес одного из рабочих метеоритной экспедиции — К. Сизых, который должен знать дорогу к избушке Кулика. Сизых — житель деревни

Алешкиной, расположенной на одном из островов Ангары. Решаем его разыскать.

Дали гаснут, невидимая рука стирает вокруг все очертания. Ночь наступает свежая. В темноте загораются огоньки деревушки Ковы. В ней берем под лямки лошадь и сажаем в лодку девушек — им надо выспаться, чтобы потом снова взяться за бечеву... Скалистые берега не позволяют на всем расстоянии тянуть лодку лошадью.

На следующий день, рано утром, проходя мимо одного из островов, видим около его берегов множество лодок. Это алешкинцы вышли на рыбную ловлю, и возможно, что Сизых находится среди них. Лямщицы, давно уже сменившие коня, садятся в лодку, и мы поворачиваем к острову. Не доходя до берега, кричим собравшимся у лодок рыбакам: нет ли среди них нужного нам человека? Удача — он здесь!

Через несколько минут мы сидим у костра и хлебаем горячую уху из стерляди, а Сизых делает своей жене последние распоряжения на время долгой отлучки. Бросая ловлю рыбы, он идет с нами в тайгу.

Ангара богата всякой рыбой, и рыболовство наряду с охотой является главным занятием ангарцев. Ловят сетями и самоловами, а так как в это время рыба скопляется в определенных местах, по-здешнему «ямах», лов производится организованным порядком, — всем селом, чтобы у всех были одинаковые шансы на удачу. Покидая остров, мы наблюдаем своеобразную картину коллективного промысла.

Первой отходит от острова лодка с красным флажком на носу — на ней распорядитель ловли. За этой лодкой, напоминая эскадру на парадном смотре, стройными рядами двигаются остальные. Отойдя на середину реки, распорядитель поднимает флаг, и по этому сигналу лодки бросаются враспынную. Выбор места представляется усмотрению самих рыбаков, а потому каждый спешит занять место там, где, по его мнению, можно рассчитывать на хорошую добычу. Через некоторое время движение лодок прекращается, — рыбаки занимают свои места. Не сводя глаз с лодки рас-

порядителя, они ждут нового сигнала. Снова взвивается красный флаг, и снова движение, но на этот раз уже более спокойное. Скользя наперерез реке, лодки расставляют самоловы.

Солнце греет почти по-летнему, но мы нахлобучиваем на глаза шапки и поднимаем воротники, чтобы спрятать лица от жалящих укусов. Это — мошка, остатки таежного гнуса. Оводы и комары исчезли уже давно, а это маленькое насекомое живет до первых морозов. Впору одевать на лица сетки, но их нет в нашем багаже.

— Сейчас мошкара особенно злая, — говорит наш лоцман, — Последние деньки доживает, змея!..

Берега сближаются. Угрюмые хребты, словно желая преградить путь буйной реке, сдавливают ее отвесными скалами. Темносерые глыбы гранита угрожающе нависают сверху. Сердито бурля и пенясь, река огрызается каменными клыками и не хочет пускать дальше нашу лодку. Начинается шивера. Течение так быстро, что лямщицам не вытянуть лодки. Берем за шесть.

Мы прошли уже немало шиверы, но эта, как говорит лоцман, самая гиблая. На протяжении нескольких километров река от берега до берега усеяна камнями, точно горохом, — шивера так и называется Гороховой. Многочисленная шивера и пороги, рассеянные по всему течению Ангары, делают ее непригодной для судоходства. Будь она доступна для судов, это изменило бы физиономию края.

Преодолев каменный «горох», некоторое время идем в спокойной воде. Но вот нашего слуха касается глухой гул, доносящийся спереди. Это Аплинский порог предупреждает о своей близости. При подходе снизу он не так опасен — только отбросит сердито; но, приближаясь к нему сверху, не следует пренебрегать его предостережением: подхватит и швырнет лодку в кипящую бездну с такой быстротой, что не будет времени даже испугаться. Так именно погиб в нем когда-то ссыльный поляк Аплинский, по имени которого порог и получил свое название.

Через порог переправляемся «вручную», то-есть разгружаем лодку и пере-

таскиваем вещи на себе, карабкаясь по скользким камням. Лодку вытягиваем на двух бечевах. Это занимает порядочно времени, и наш молодой охотник пользуется случаем пристрелять свою винтовку. Перед этим он безуспешно старался свалить черныша: вероятно, опять что-то приключилось с мушкой...

IV. На пороге пустыни.

Ангара с давних пор служила дорогой для беглых с царской каторги, которые, спускаясь вниз по реке, оседали на ее берегах. Бродяга Брюхан облюбовал устье реки Кежмы и поставил тут шалаш. Потом к нему присоединился беглый Ворон. Так образовался поселок Кежма. Брюхан и Ворон — родоначальники теперешних кежмарей. Поэтому у них только две фамилии: Брюхановы и Вороновы.

В настоящее время Кежма — самый большой поселок на Ангаре; это культурный и торговый центр Приангарья. Тут база Госторга по заготовке пушнины, кооператив, школа. В 1923 году кежмари ухитрились своими силами построить электрическую станцию, а теперь мечтают о радио. Занимая выгодное географическое положение, Кежма имеет все данные для дальнейшего развития.

Еще на берегу, не успев выгрузиться, узнаем, что накануне в Кежму прибыл сверху какой-то нездешний человек, который, повидимому, дожидается нас. Это, оказывается, Сытин. С самолетом, как поется в старой песне, вышло «гладко на бумаге, да забыли про овраги». На пути полета не оказалось баз с горючим, и, пролетев немного дальше селения Братского, он должен был вернуться. Сытину пришлось добираться до Кежмы в лодке.

На нашем пути Кежма — последний пункт, где мы можем доснарядиться и пополнить дорожные припасы. Как ни глухо и безлюдно Приангарье, но дальше нас ждет настоящая пустыня. Надо подумать о многом и вспомнить каждую мелочь, прежде чем углубиться в лесные дебри. Перед отъездом сюда у нас почти не было времени, чтобы как следует собраться.

Два дня, проведенные нами в Кежме, навсегда останутся в моей памяти в образе бесконечного количества мешков, кулей, свертков и ящиков, заключавших в себе все необходимое для семи человек и десяти лошадей на месячный срок — так определялось время нашего пребывания в тайге. В состав экспедиции входят также четыре собаки, но они в расчет не принимаются. Кормом для них будут служить белки, которых мы будем стрелять по дороге. Сибирская лайка неприхотлива и довольствуется немногим.

В сборах сами собой распределяются роли в зависимости от склонностей каждого. Сытин и Сулов берут на себя административную часть, Вологжин — обязанности заведующего хозяйством, мне выпадает роль Госплана, а нашему комсомольцу — заботы об оружии экспедиции, то-есть его чистка. Кроме пристрастия к пристрелке, Митя обладает еще одним качеством, весьма ценным в охотнике, — он любит заниматься чисткой ружья. На остановках он часами наводит блеск на свою винтовочку, и мы так привыкли к этому занятию, что, если видим Митю без шомпола и протирки в руках, — невольно задаем вопрос:

— Что случилось, Митя? Почему ты не чистишь ружья?..

Он вполне доволен своей ролью. Чистит и протирает ружья с таким увлечением, что ежеминутно теряет протирку и шомпол. Кроме чистки, Мите поручено отобрать из имеющегося у нас запаса оружия две винтовки для вооружения рабочих, а остальные сдать на хранение местным властям.

Вопрос о бандитах получает некоторое разъяснение. Оказывается, эта сенсация имеет полугодовую давность. Еще летом, когда Сытин находился с Куликом, он слышал от одного поселенца на Подкаменной Тунгуске рассказ о каких-то субъектах, которые будто бы заходили к этому поселенцу на зимовье и спрашивали, как пройти в район, где работала метеоритная экспедиция. Пробыть несколько месяцев в тайге без больших запасов продовольствия — вещь немислимая: время от времени необходимо выходить за продуктами в жилые

места. Между тем этих субъектов больше никто не видел, и мы приходим к заключению, что в тайге нам едва ли придется иметь дело с кем-либо, кроме зверья. Если эти подозрительные субъекты действительно были бандитами, то их давно уже нет в этих краях. Поэтому тащить с собой большой запас оружия не имеет смысла.

О Кулике здесь рассказывают то же, что мы слышали от Кулакова, но в Кежме Кулика никто не видел. По словам кежмарей, Кулик, расставшись с Сытиным на фактории Ановар, нанял там одного рабочего и с ним отправился к месту падения метеорита. По дороге рабочий умер, и, похоронив

его в тайге, ученый один вернулся в свою избушку. Его будто бы видели там тун-

— Сытин, который был с ним в тайге... Так у нас болтает народ. Будто бы они не поладили при дележке золота. Вас считают за следователей...

И рабочий рассказывает мне историю, которая могла бы послужить темой для целого приключенческого романа. Тот факт, что Сытин находится среди нас, не меняет дела. Убив ученого, Сытин не мог унести с собой всего золота, которое они нашли (кто же поверит, что они искали какой-то не имеющий цены камень, упавший с неба?). Теперь Сытин вернулся за остатками золота, но в Кежме мы его накрыли. Наш проводник Сизых, которого мы так быстро забрали с рыбалки, не дав ему опомниться, также причастен к этому делу. Не даром у парня после возвращения из тайги появилось много денег...

Так искажается истина в далекой северной тайге.

В эту ночь спать почти не пришлось. Сытин, не подозревая в каком тяжком преступлении обвиняют его кежмари, возился с пленками для своего киноаппарата, комсомолец доканчивал чист-

Течение так быстро, что лямпацам не вытянуть лодки; беремся за шесты...

гусы, но так ли это — приходится сильно сомневаться. Легенды вокруг «Тунгусского дива» слагаются быстрее, чем это можно было бы предполагать...

Вечером накануне выступления один из нанятых нами рабочих, оставшись со мной наедине, вдруг задает мне вопрос:

— Вы в самом деле едете расследовать это дело?

— Какое дело? — удивляюсь я.

— Убийство Кулика.

— Убийство Кулика? — Я замер от изумления. — Но кто же его убил?..

Ответ был не менее поразителен:

ку винтовок, мы с Вологжиным упаковывали вьюки. А когда в окна забрезжило серенькое утро, донесшийся с улицы топот копыт возвестил, что пора собираться в путь.

V. По таежной тропе.

За колючим угором в последний раз мелькает лента Ангары. Тайга надвигается сразу, и вокруг уже нет ничего, кроме сплошной стены первобытного леса. После суетни сборов кажется странной лесная тишина. Кругом ни движения, ни звука. Процеженный сквозь чащу дневной свет скупо освещает узкую тропу. Местами, где особенно густо переплетается бурелом, тропу легко потерять. Только опытный глаз может нащупать ее едва приметные следы.

Север уже чувствуется — тайга тут не та, которую мы видели по ту сторону Ангары. Принизилась придавленные вылинявшим небом деревья, исчезла веселая березка, пушистее стал ковер седых мхов, затканых ягодами голубики. Подножье вывороченных бурями деревьев похоже на огромный блин. Корни расположены под прямым углом к стволу: слой почвы тонок — под ним вечная мерзлота.

Деревья стоят в земле непрочно, поэтому так густ бурелом. Если бы наши лошади умели говорить, они высказали бы свое недовольство дорогой. Но так как они не обладают даром речи, каждая из них выражает это недовольство в зависимости от своего характера.

Мой мерин, получивший за свою неуклюжесть кличку «Гардероб», всем своим видом показывает полное нежелание шагать через колодины, делая это только под энергичным воздействием основательной хворостины. Рыжей кобыле Игреньке, на которой едет Сулов, за каждой корягой чудится медведь и, ежеминутно бросаясь в сторону, она норовит повернуть назад. А Митин Буланный, преодолев несколько колодин, решил, что этого с него вполне достаточно. Перед следующим препятствием он останавливается как вкопанный.

Комсомолец вооружается длиннейшим концом веревки и пытается ободрить упряма, но эффект получается самый неожиданный: Буланный берет барьер с такой стремительностью, что всадник планирует вниз, даже не успев выбрать места для посадки.

На это, разумеется, не следует досадовать: плох тот кавалерист, который никогда не падает с лошади. Вины виноваты как же вьюки, которыми загружен конь. Митя поднимается с земли, ловит Буланого и снова водворяется на его спине. Для бодрости затягивает комсомольскую песню.

По-разному ведут себя и наши собаки. В то время как три из них усердно рыщут по чаще в поисках белок и лухарей, четвертый пес, Серко, предпочитает смотреть на хвост Митиной лошади, вероятно, считая это занятие самым интересным. Он присоединяется к остальным собакам лишь в том случае, когда они найдут дичь и притом с определенным намерением подхватить эту дичь на лету, когда она будет падать под выстрелом охотника. Почувствовав в зубах добычу, пес немедленно отправляет ее дальше, в желудок.

Такое поведение собаки вызывает вполне понятное негодование всех нас, за исключением Мити. Он старается оправдать Серка, говоря, что тот голоден. Пес действительно не очень жирен, поэтому мы прощаем ему двух рябчиков и белку, которых он уже успел сожрать. Но когда Серко тащит из рук Воложина убитого им глухаря, наше терпение лопається.

— Пристрелить его, и делу конец! — предлагает кто-то. — Иначе всю дорогу будем сидеть без дичи.

— Я покупаю Серка! — заявляет вдруг Митя. — Вношу деньги, которые были за него уплачены...

Против такого предложения никто не возражает. Митя сажает на привязь прожорливого пса и с этого момента становится его единоличным и полномочным хозяином.

Митя вообще большой оптимист. Спасая Серка от пули, он надеется, что впоследствии, утолив свой безмерный голод, он станет приличной охотничьей собакой. Оправдаются ли эти надежды — покажет будущее, но его конь Буланный не обнаруживает желания исправиться. После скачка через колодину, имевшего последствием полет Мити с седла, Буланому взбрело на ум, что так он должен поступать и в дальнейшем. Поэтому Мите приходится делать

вынужденные посадки на землю чуть ли не на каждом километре. Но это не понижает бодрости его духа.

— Обойдется! — хохочет он, который раз взбираясь на выюки. — Мы с конем еще не привыкли друг к другу...

Настроение комсомольца, однако, круто меняется после того, как Буланы пытаются повторить свой номер во время переправы через реку с явным намерением заставить седока принять холодную ванну. Удержаться в седле ему удалось, но, выбравшись на берег, он категорически заявил:

— Как вам угодно, дорогие товарищи, но дальше на этом проклятом коне я не поеду!..

Вечером, когда мы остановились на ночлег, Митя не занимался ни пристрелкой, ни чисткой оружия, хотя по обыкновению и держал в руках шомпол. На шомполе, сидя у костра, он сушил свою намокшую шапку, упавшую с его головы в воду по вине Буланого...

VI. Тунгусы уходят на север.

Если бы не эти и ряд других маленьких приключений, сопровождающих наш путь, нам, пожалуй, было бы скучно, потому что северная тайга уныла, как осенний пасмурный день. Мочежины, болота, колодник, гари... И все это чередуется с таким однообразием, что впечатления о пройденном пути сливаются в какое-то серое пятно. Препятствия — на каждом шагу, но их перестаешь замечать. Попав в болото, где надо вести коня в поводу и прыгать с кочки на кочку, спешишь выбраться на высокое место, а, добравшись до него, не знаешь, чему отдать предпочтение — болоту или бурелому.

— Чорт чорта стоит, — говорят ангарцы, и они, без сомнения, правы.

Как нитка из клубка, бежит вперед тропа. Эта тропа — единственная связь между долиной Ангары и «Катангой» — так называют тут Подкаменную Тунгуску. Летом движение по тропе — случайно и редко, но зимой по ней проходят обозы с товарами для госторговских факторий, расположенных на Катанге и Чуне. Осенью этой тропой идут в тайгу охотники промышлять белку.

Хотя в здешних лесах водятся и медведь, и лиса, и горноста́й, и колонок, но добыча их носит случайный характер, а пушистый брильянт — соболь — совсем редкость. Но белка в здешних краях то же, что пшеница в степях; на этом маленьком зверке строится благополучие ангарца. Через несколько дней начинается охотничий сезон, и люди с ружьями уже потянулись по таежным тропам. В зимовье на берегах Чадобца мы встречаем несколько охотников-промышленников.

Снаряжение охотника за белкой несложно. Малокалиберное шомпольное ружье, натруска с порохом, мешочек с пулями и дробью, котелок, нож и мешок с провиантом, главным образом хлебом, — вот и все. Провиант везется выюком на лошади, которую сопровождает сынишка-подросток, иногда жена.

Женщины нередко занимаются охотой наравне с мужчиной. Доставив охотника до зимовья — заранее поставленной избушки в районе охоты, — лошадь с прожататым возвращается обратно, так как кормить ее в тайге нечем. К концу охоты, когда выпадет снег и промысел станет невозможным, лошадь придет снова, чтобы увезти добычу, но эта добыча за последние годы так невелика, что ее можно унести и без помощи лошади.

— Гоняешься, гоняешься по тайге, а добычу можно в кулак зажать! — говорят охотники. — В прежние годы четыре сотни белок добывал самый последний промышленный, а теперь кто добудет две сотни, считает себя богачом...

Зверя год от году все меньше, его надо искать, и охотники идут на поиски белки. Не так давно здешние леса не видели никого, кроме тунгуса, а теперь тут нет ни одного тунгусского чума. В погоне за белкой русские охотники, проникая в охотничьи угодья тунгусов, оттесняют последних все дальше к северу.

Тунгус уходит от соседства с русскими не потому, что не хочет, чтобы они охотились с ним бок-о-бок, а совершенно по другой причине. Зверя промышлять надо и тунгусу и русскому, но он, русский, «худой человек», — гово-

рят «аваньки»¹⁾). Почему плохой? — Потому что с появлением русских из тунгусских ловушек стали исчезать лисицы, а из «лабазов»²⁾ — продукты.

Вытащить из чужой ловушки попавшего в нее зверя — это еще туда-сюда. Но обокрасть лабаз — это тут самое тяжкое преступление. Лабаз в тайге — то же, что колодец воды в Сахаре. Ни один порядочный таежник не позволит себе даже подумать взять что-либо из чужого лабаза — это можно сделать только под угрозой голодной смерти. Но взяв кусок чужого хлеба, об этом надо заявить первому встретившемуся человеку... Таков обычай тайги.

Продукты из тунгусских лабазов исчезают, а заявлений, кто их берет, ни от кого не поступает. Значит, это делает не честный человек, попавший в нужду, а просто вор. Такому человеку по тому же таежному обычаю полагается лишь одно наказание — смерть, но как поймать в тайге вора! Легче, кажется, сосчитать на голове волосы, чем найти в этом лесу человека.

— На моей памяти, — рассказывал мне один таежник, — только один случай, когда попался вор. Да и поймала его сама матушка-тайга. Дело было в сильный ветер, — а тут только смотри, не успеешь очухаться, как накроет колодиной. Буря косит тайгу, что косарь траву, потому — лес тут вековечный; каждой лесине, может, не одна сотня лет. Стоит сосна, скажем, на глаз — ни какими силами не сдвинуть, а подул ветер — валится, как сноп. Корни у ней давно уже сгнили, да и земля тут не толста, внизу — мерзлотина. Так вот, обчистил человек лабаз, а его тут же лесиной придавило. Приходит охотник, а он лежит под колодиной со сломанными ногами, и все добро при нем. Что ж, не от смертельной нужды украл. Отобрал промышленный свое добро, а того так и оставил лежать под колодиной...

Русские охотники, чтобы уберечь лабаз от непрошенного посетителя, иногда

его «настораживают», то есть пристраивают за дверью ружье с бечевою на спуске таким образом, что оно производит выстрел, когда дверь начинает открываться. От таких самострелов нашли смерть немало таежных воров, но тунгус, мягкий по характеру и чуждый жестокости, не хочет прибегать к таким способам для охраны своего лабаза. Разбирая чум, он предпочитает уйти подальше от тех мест, где завелся худой «люче»³⁾. Тайга ведь велика:

Приходит охотник, а человек лежит под колодиной со сломанными ногами, и все добро при нем...

«две луны»⁴⁾ можно итти по лесу на север, и то не дойдешь до конца. А где тайга, там и мох для оленей, и мед, и лисица, и белка...

Но не только обкрадывание ловушек и лабазов заставляет тунгусов покидать эти места. Люче оскверняют также могилы предков, забирая оружие и одежду умерших. Тунгусы хоронят покойников в колоде, которая вешается на дереве вместе с вещами умершего. Забирая эти вещи, люче разносят злых духов, которые явились причиной смерти че-

¹⁾ Аваньки — так называют себя тунгусы. Названия «тунгус» они не признают.

²⁾ Лабаз — помост на высоких столбах, куда охотники кладут продукты, чтобы уберечь их от зверя.

³⁾ Люче (по-тунгусски) — русский.

⁴⁾ «Две луны» значит — в течение двух месяцев.

ловека: они съели его душу... Через люче они могут съесть другие души...

По словам русских охотников, аваньки, уходя на север, жгут тайгу, чтобы сделать нечто в роде барьера, который отделял бы их от русских. Насколько справедливо такое утверждение, сказать трудно, но тайга действительно горит. Этим летом в приангарских селениях в течение нескольких недель не видно было солнца из-за дыма. От Ангары до Подкаменной Тунгуски мы прошли двести пятьдесят километров сплошным лесом, и добрая треть его сожжена пожаром.

Мрачное зрелище представляет собой обгоревшая тайга. Вокруг все черно, угрюмо, мертво. Обуглившиеся деревья стоят, как зловещие призраки. Ни зверя, ни птицы — зимой и летом царит безмолвие. Но когда подует ветер, разыграется непогода, — словно стая демонов спускается в это царство смерти. Стонет черная тайга, с грохотом и треском валятся лесные гиганты. Не уйти тогда отсюда человеку!...

Эти пожары являются одной из причин уменьшения фауны в здешних лесах.

VII. Потерявшийся в тайге.

Впереди, в бездонном провале осенней ночи — два мигающих глазка. Мы идем на эти глазки бесконечно долго, но они не становятся ярче. Между тем, нам хочется поскорей добраться до этих огоньков. Мы спешим не только потому, что сделали переход в 60 километров, но и потому, что беспокоимся о Мите. Он у нас потерялся...

Спустившись к Подкаменной Тунгуске, мы вспугнули на берегу несколько рябчиков. До Тетери, где мы предполагали сделать небольшую остановку, а затем двигаться на факторию Ановар, осталось не больше километра, и, чтобы не задерживаться, мы решили не увлекаться охотой. Митя, однако, не утерпел.

— Я догоню вас в Тетере! — крикнул он, хватаясь за ружье. Снял полушубок, чтобы быть налегке, и устремился за рябчиками. Постройки Тетери были уже на виду, поэтому мы не пытались его удержать.

Тетера — это упраздненная фактория: теперь на ней живет пионер и завоева-

тель тайги — поселенец Кустов. Он быстро соорудил нам чай и, сидя за самоваром, мы стали поджидать охотника. Час, предположенный на остановку, прошел, а его все не было. Прошел и второй час. До фактории Ановар — места ночлега — надо было сделать еще двадцать пять километров, а солнце уже катилось книзу, и нам пора было выступать. Мы и без того прихватывали ночь.

— Нагонит по дороге, — решили мы и, оставив Мите коня и полушубок, двинулись дальше. Перед выступлением сделали один за другим два выстрела — условный сигнал, означающий, что отряд продолжает путь.

Тропа от Тетери до Ановара все время идет берегом Подкаменной Тунгуски. Поэтому, догнав нас, сбиться с дороги при всем желании невозможно.

Давно уже скрылись избушки Тетери, километры шли один за другим, а позади все не было слышно топота копыт. Берег реки, открывавшийся на излучинах на большое расстояние, был пуст. Между тем уже начало смеркаться, и вскоре беззвучная тьма поглотила все кругом. Стало ясно, что теперь Митя нас уже не нагонит.

— Он или заблудился или остался в Тетере ночевать, — сказал Сытин. — Зная, что на второй половине пути до Ановара надо в брод обходить скалу, он, может быть, не рискнул ехать один.

Последнее, однако, было мало вероятно: Митя не таков, чтобы испугаться брода. Вернее первое. Но, с другой стороны, как заблудиться на берегу реки? Отойти от нее он далеко не мог. Зная направление, в котором течет Подкаменная Тунгуска, нетрудно ее разыскать.

— Парень просто обошел Тетерю лесом и ушел берегом вперед, — сделал новое предположение Суслов, и это нам показалось более правдоподобным. Митя уже не раз обгонял отряд. Может быть, в самом деле, он давно уже на фактории.

Огоньки все еще далеко, и кажется, мы никогда до них не доедем. Вот они гаснут, но через минуту загораются снова, на этот раз ярче. Чужая скорую остановку, лошади подбадриваются, и передовой трогает рысью, хотя это и не безопасно. Тропы в темноте почти

не видно, и она, сжатая с одной стороны обрывом, с другой — стеной непроходимой чащи, так узка, что достаточно одного неверного движения, чтобы полететь вниз.

Фактория на том берегу, и нам надо переправляться через реку. В темноте она кажется безбрежной, хотя в действительности ее ширина тут не превышает трехсот метров. На ней еще нет шуги, но у берегов уже образовались закраины. Ночные заморозки достигают пяти градусов; через два-три дня пойдет и шуга.

Наконец мы на одной линии с огнями. Чтобы вызвать лодку, делаем несколько выстрелов. В ответ с того берега слышатся голоса. В этой глуши всякий звук, говорящий о присутствии человека, ловится быстро.

— Что за люди? — несется из темноты.

— Анжи-не-ры!.. Аспи-да-то-ры!.. — кричит в ответ наш рабочий-ангарец. На Ангаре почему-то всех приезжих называют инженерами. «Аспидаторы» — это должно означать «эксспедиторы», от слова «экспедиция».

Перекликаемся долго. Обитатели фактории не хотят перевозить на свою сторону, предварительно не удостоверившись, с кем имеют дело. В прошлом году такие «анжинеры» ограбили факторию в верховьях Подкаменной Тунгуски.

Но вот подозрительность ановарцев сломлена. С реки доносится стук весел и плеск воды. Подходит лодка.

— К вам не пришел один из наших? — задаем вопрос человеку в лодке.

— Нет, никто не приходил, — отвечает тот.

Мы сделали большую неосторожность, позволив комсомольцу итти за рябчиками. Теперь уже нет сомнений, что он действительно заблудился...

* * *

Митя явился на Ановар лишь на следующий день, уже после того, как с Тетери нам сообщили, что за оставленной нами лошадью никто не пришел, и были организованы поиски. На Тетере оказалось несколько охотников, пришедших промыслять белку. Они отправились в тайгу на розыски нашего неосторожного товарища.

Произошло то, что случается не только с такими неопытными охотниками, как Митя, но и со старыми таежниками. Увлеч-

шись рябчиками, он не заметил, как очутился в какой-то таежной топи. Сунулся в одну сторо-

ну — не пройти, в другую — тоже. Пока кружил по болоту, наступила ночь, а ночью в тайге

все равно, что у негра за пазухой. Долго шел, как казалось, по направлению к Подкаменной Тунгуске, но реки не было. Тогда взял немного левее — результат тот же. Повернул вправо — чаща и бурелом со всех сторон. «Закружал человек», — как говорят тунгусы, а это в тайге самое последнее дело.

Рассказывая о дальнейших похождениях, охотник признался, что не знает, где кончается действительность и где начинается игра взбудораженного вообра-

Мрачное зрелище представляет собой обгоревшая тайга...

жения. Истомленный непрестанной борьбой с колодником и болотами, он прилежал под корягой. Заснул. Долго ли спал — неизвестно, но проснулся от жара, который почувствовал на лице. Открыл глаза — прямо перед лицом два раскаленных уголька и широко раскрытая пасть! Медведь! Выхватил наган, стал стрелять, а потом побежал. Куда бежал и сколько времени — об этом также никто не узнает, но, когда опомнился, в барабане револьвера не оказалось ни одной пули. Приходилось рассчитывать лишь на малокалиберное ружье, если медведь будет преследовать. Однако он не преследовал. Возможно, что он был убит: Митя стрелял в упор. Выяснить этого факта также никогда не удастся. Опять куда-то шел, опять пытался вздремнуть под колодой, но в одной тоненькой гимнастёрке было дьявольски холодно. Спасаясь от медведя, потерял шапку и, чтобы согреть голову, снял с ноги шерстяной чулок и им повязался.

Неизвестно, чем кончилось бы это приключение, если бы не встретились двое охотников, — это было уже днем. Они указали попавшему в беду человеку, как выйти на Подкаменную Тунгуску, которая находилась всего в двух километрах. Оказывается, блуждая, Митя все время шел параллельно реке и вышел к ней лишь в нескольких километрах от Ановара.

Сейчас мы решаем вопрос, может ли Митя продолжать с нами дальнейший путь: у него сильно стертые ноги и немного повышена температура. Он уверяет, однако, что через два дня, которые мы проведем на фактории, от всего этого не останется следа и он будет в состоянии идти хоть на северный полюс...

VIII. Творимые легенды.

Фактория Ановар — это тот пункт, где Сытин покинул Кулика, и откуда ученый вернулся на место падения метеорита. Это было два с половиной месяца назад.

Кулик ушел с рабочим по имени Китьян, которого он нанял на фактории после ухода Сытина. Правда ли, что этот Китьян умер по дороге, как о том

говорили в Кежме, на фактории не знают, так как со времени ухода Кулика о нем тут ничего не слышали. Тайга к северу от Подкаменной Тунгуски — это уже настоящая Тунгусия, но аваньки не ходят в район Великого Болота — местонахождения тунгусского дива. Двадцать лет назад «дух молнии и грома Агды валил там тайгу, кончал оленей, кидал в воздух людей и чумы. Зачем тревожить духа? Он может рассердиться...»

— Ой, диво, диво! — говорит тунгус Лючеткан, рассказывая об этом событии. — Большой беда был! Все крошил Агды. Аваньки думал — конец пришел. Зачем сердить Агды?

Для наивных аваньков место падения метеорита — нехорошее место, которое надо подальше обойти, чтобы не рассердить духа. Но для людей, не признающих Агды, в этом месте хранятся неисчислимы сокровища. Это своего рода Клондайк, где чуть ли не лопатой можно загребать золото...

Вечером я долго засиделся за дневником. Перед сном вышел из избы глотнуть свежего воздуха. Ночь была темная, безлунная; низко нависшее небо грозило запоздавшим дождем. На реке шуршал лед, яркий костер горел на берегу.

Я направился к огню, чтобы закурить папиросу, но, не доходя несколько шагов, остановился, скрытый темнотой. Слова, доносившиеся от костра, показались мне интересными. Разговаривали двое.

— Давно там они ищут? — спрашивал низкий сиплый голос.

— С весны, — отвечал другой. — Пришло их много, да все будто захворали, ушли. Главный остался.

— Которого Куликом зовут?

— Он самый. И в самом деле похож на кулика. Ноги длиннущие, что жерди. Я в Кежме его видал, рабочих он там брал.

— Эти, стало быть, к нему едут?

— К нему. Видал сколько? Пять человек анжинеров да трое рабочих. Добудут теперь...

— Да есть ли оно еще?..

— Это золото-то? Сказал тоже! Сколько хошь, только напасть на него

трудно. Вон один мозговской стрелял в глухаря, а золото добыл...

— Как так?

— А так. Глухаря убил. Стал потрошить, вынимать кишки, а в кишках — самородок. Глухаря любят клевать мелкие камушки, как индюшки. Вот и склевал вместо камня.

— Куда же он его девал?

— Вот чудак — куда девал! Глухаря съел, а самородок продал. Два червонца взял...

Немного помолчали.

чуть не пол-лодки. При дележке, однако, заминка вышла, — обделил купец своих товарищей. Те церемониться, понятно, не стали, купца и прихлопнули. Поделили золото и поплыли обратно. По дороге у них, однако, провиант кончился, а без провианту в тайге, известно, — смерть. Стали спорить: как скорей выйти — рекой или прямо тайгой? Спорили-спорили и поделились на две половинки: одни поплыли водой, другие пошли сухопутьем через тайгу. Первые все пропали, их больше никто не ви-

...Прямо перед лицом два раскаленных уголька и широко раскрытая пасть...

— Места тут, можно сказать, золотые, — продолжал голос, рассказывавший о золотом глухаре. — Про купца Катаева слышал?

— Нет. Расскажи.

— Первый на Катанге золотоискатель был. С тунгусами торговлю вел, от них, верно, и о золоте пронюхал. Снарядил он илимку ¹⁾, подобрал компаньонов, и поплыли они вниз золото добывать. Где они его нашли — в точности не известно, но добыли много,

кто ухватится за конец, тому и капут, — да тут страшно каждому стало: а ну как мне? Бросили палку и разбежались в разные стороны. Человек человеку хуже зверя стал. Четверо из них тоже пропали, с голоду померли, а одного подобрали кежемские охотники, — под деревом нашли. От него и стало все это известно...

Рассказчик замолчал. К костру потянулась лохматая фигура и стала прикуривать папиросу.

— А как же золото? Принес он? — спросил жадный голос.

¹⁾ Илимка — большая лодка.

— Золото в тайге и посейчас лежит, друг, вместе с теми, кто его добыл. Тот человек, что вышел, сам его бросил там. Проклятое, говорит, это золото: сколько народу через него погибло!

— Может, они это золото и нашли?

— Кто? Кулик-то? Может статься. Только нам с тобой от этого не легче.

— А заведующий давеча говорил, что они камень ищут, который с неба упал. Для науки будто...

— Слушай их, они тебе насажут! Нужен им камень, ежели он, скажем, такой же, как вот этот!

В это время залаяли собаки. Люди у костра поднялись, и я вернулся в избу.

Итак, в уме таежных людей легенда о золоте засела крепко, но в этих местах она имеет другой вариант. За следователей нас не принимают, но думают, что мы приехали за золотом, которое давно уже ищет Кулик...

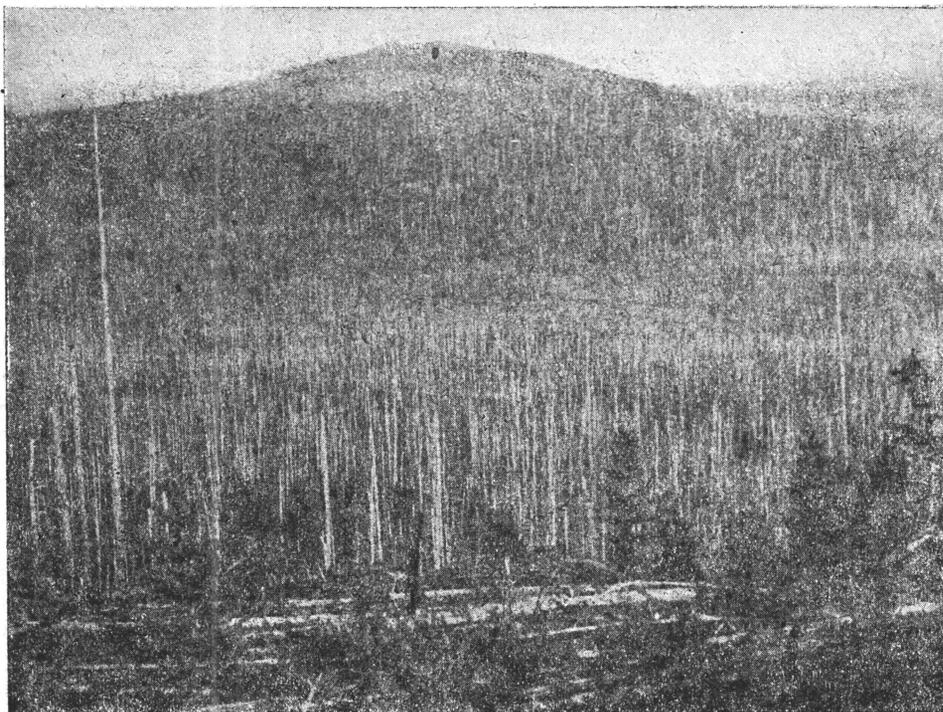
У костра разговаривали охотники, пришедшие на факторию за порохом, но того же мнения, вероятно, держатся

и остальные ановарцы, хотя их число и невелико: кроме заведующего — два человека. Тунгус Лючеткан, чей чум стоит рядом с факторией, не в счет. Я думаю, ему даже в голову не приходит вопрос: зачем русские едут туда, где «Агды валил тайгу»? Люче — чудной народ, они много делают того, что не поймешь. Золото? Но аванье золота не надо, ему побольше бы белок...

Остальные тут буквально бредят золотом, и, кажется, некоторые не прочь взглянуть на него поближе. В этом отношении особенно подозрительно одно зимовье, расположенное в тридцати километрах от фактории, у устья реки Чамбе. Из этого зимовья исходит слух о тех бандитах из ссыльных, которые будто бы угрожают Кулику и которых в действительности тут нет и никогда не было. Не думают ли обитатели этого зимовья сами проверить, много ли золота накопал Кулик?..

Это вполне возможно. Остановку на фактории надо сократить до минимума...

(Продолжение в следующем номере)

Унылый вид спаленной тайги на месте падения метеорита.

За тунгусским дивом

Очерки Ал. Смирнова

участника экспедиции, снаряженной Академией Наук в помощь Л. А. Кулику¹⁾

Рисунки худ. П. Староносова

IX. Фактория Ановар.

При слове «фактория» в вашем воображении, вероятно, рисуется ряд больших построек, магазины, склады, десятки служащих... Нет, в данном случае это нечто более скромное. Две маленьких бревенчатых избы, три покосившихся сарая, человек с цыганской бородой, именующийся заведующим, человек с подвязанной щекой, исполняющий хозяйственные обязанности, и маленькая женщина в огромнейших пимах, стряпающая обеды и ужины, — вот что носит название фактории Ановар.

Но эти подслеповатые избы и полуразвалившиеся сараи кажутся аванькам чем-то грандиозным. Я думаю, их впечатление, когда они приходят из своих лесов на факторию, примерно такое же, как у глубокого провинциала при виде Москвы. Сколько тут, в этих сараях, всякого добра! Мука, сахар, чай, порох, ружья, ситец, сукно. Много-много надо шкурки белки, лисицы и другого зверья, чтобы купить все это...

Все есть на фактории. Нет только той удивительной машинки, которая поет и говорит, как живой человек. Вы, конечно, догадываетесь, что речь идет о граммофоне. С ним аваньки познакомились, когда еще платили «люче» ясак, но воспоминание об этой машинке у них живо до сих пор, — до такой степени граммофон поразил их воображение.

История появления в этих дебрях граммофона не лишена интереса. Это лишний раз доказывает, какую изобрета-

тельность проявляли в недавнем прошлом купцы в способах обирания наивных людей тайги. Граммофон был завезен сюда купцом Харлашенком с целью привлечь в свою лавочку как можно больше покупателей и убить своих конкурентов. Эта цель была достигнута блестяще.

Весть о том, что на Катанге в лавочке купца Харлашенка спрятан в деревянном ящике поющий и говорящий «дух», скоро облетела тайгу, достигнув самых отдаленных чумов. Послушать этого удивительного «духа» устремились все тунгусы, прихватывая по пути добытую пушнину. Завидев выходящих из леса оленей, хитроумный купец выносил из лавочки граммофон и ставил его на табуретке у входа. Аваньки усаживались вокруг табуретки и часами слушали, как из ящика в блестящую трубу поет и говорит чудесный «дух».

— Ой, диво, диво! — качая головой, повторяли они свое любимое словечко во время перемены пластинок. — Люче самый первый мастер — гапка²⁾!..

Со времени появления в лавочке граммофона, несмотря на то, что цены в ней по сравнению с другими поднялись чуть ли не вдвое, Харлашенок не жаловался на плохие дела, и его мешки всегда были туго набиты шкурками белок, горностая, а иногда и соболя.

Теперь, разумеется, на фактории нет поющего и говорящего духа, так как

¹⁾ Первые очерки — см. в № 2 «Следопыта».

²⁾ Гапка — выражение высшей похвалы.

Госторгу, ведущему торговлю с тунгусами, незачем прибегать к таким способам рекламы. Советская власть преследует совсем иные цели. Граммофон сменили школы и больницы, о которых раньше тунгусы даже не слышали.

Еще дальше к северу, на Нижней Тунгуске недавно закончена постройкой Тунгусская Культбаза — учреждение, заключающее в себе прекрасно оборудованную больницу, школу для тунгусской молодежи и ветеринарный пункт для лечения оленей. Иногда на Культбазу приезжает кино-передвижка.

Любопытно, как встретили тунгусы «Великого Немого». Увидев на экране двигающихся людей, они так испугались, что бросились бежать из сарая, в котором был организован сеанс. Ведь это появились «духи»!.. Большого труда стоило уговорить наивных людей вернуться смотреть картину, но они до конца продолжали жаться к двери, готовые каждую минуту снова пуститься наутек.

По окончании сеанса по обыкновению

качали головой и говорили:

— Люче большой шаман!.. Самый первый гапка!..

Фактория для обитателей сибирской тайги — то же, что оазис для кочевника африканской пустыни. Здесь тунгус получает в обмен на пушнину все, что необходимо для его несложной кочевой жизни. Многие пользуются кредитом, так как тунгус, для которого охота является единственным источником существования, бывает богат только по окончании охотничьего сезона. Тунгус уди-

вительно честен, и если Госторгу приходится иногда списывать за кем-нибудь долг, как безнадежный, то вовсе не потому, что задолжавший тунгус не хочет платить или куда-то скрылся, а потому, что его постигла какая-нибудь беда. Ему просто нечем заплатить долга.

Честность лесных людей прекрасно иллюстрируется их отношением к дани, которую собирало с них царское правительство. В поисках за зверем целые роды тунгусов предпринимают иногда продолжительные путешествия. Уходя от пунктов, в которых они должны были сдавать ясак, на несколько сот километров, многие из аваньков могли бы вовсе не платить, но таких случаев никогда не было. Как бы далеко ни уходили в тайгу тунгусы, причитающийся с них ясак аккуратно в назначенный срок вносился русским властям через особых посланных.

На факторию тунгусы приходят обычно в определенные периоды — перед началом охоты, чтобы запастись огнеприпасами, и по окончании промысла, чтобы реализовать добычу. Эта добыча главным образом белка — ее здесь очень много; затем идет горноста́й, колонок, лисица, выдра, росомаха. Соболь попадает редко, а медведя большинство тунгусов боятся.

— Иди, иди, хозяин, а то уьем тебя... Нас одиннадцать, и все мы братовья, — говорит тунгус, на-

Аваньки часами слушали, как из ящика в блестящую трубу поет и говорит чудесный «дух».

пав на след медведя, и спешит уйти подалее.

Тунгусы выходят из своих лесов по несколько семей вместе, устанавливая чумы вокруг фактории. Тогда тут царит большое оживление. Скачут олени, горят костры, визжат черномазые ребятишки, иногда слышится песня. Одни чумы свертываются, на их месте разбиваются новые. И так продолжается недели две. Но вот товары фактории поменялись местами с тунгусской пушной; разбирается последний чум, и фактория замирает до следующего выхода аваньков из тайги.

Жизнь на фактории тогда скучна и монотонна, как стук дятла. Вокруг нет ничего, кроме великого белого безмолвия. Безмолвна обступившая со всех сторон тайга, безмолвна в крутых берегах ленивая река, безмолвны люди в тесных избушках. Им не о чем говорить друг с другом — все давно уже переговорено.

Свежему человеку жизнь на фактории, может быть, показалась бы невыносимой, но кто долго слушал безмолвие этих лесов, тому никогда не стряхнуть с себя власти великой северной пустыни. Человек с цыганской бородой — заведующий факторией М. И. Цветков — говорит:

— Семь лет живу я тут... Два раза пытался уйти к людям, но из этого ничего не вышло: тянут к себе они, эти леса...

Х. Загадочный костер.

— Трах, трах, трах!.. — сухо рвут тишину осеннего утра ружейные выстрелы. Это, стоя на крутом обрыве реки, палит в воздух Цветков. Такой в тайге обычай: провожать гостей стрельбой из ружья.

В последний раз мелькает лекоптын¹⁾ над чумом Лючеткана, и фактория скрывается за косогором. Треск выстрелов сменяется треском ломающегося на Катанге льда. Ночью был порядочный мороз, но река пытается сбросить с себя ледяные оковы. Лошади, отдохнувшие за два дня, ступают бодро, хотя выюки на них снова вздулись: на фактории мы во-

1) Лекоптын — высокий шест с поперечной палкой, на которую вешаются куски белой материи или звериные шкуры — жертвоприношение «духам».

зобновили запас хлеба и фуража. На всем дальнейшем пути мы встретим лишь два жилья: зимовье, распускающее слухи о бандитах, и стойбище полуоседлого тунгуса Павла. В этих пунктах мы уже ничего не достанем.

Мы идем по тому пути, которым Кулик пытался проникнуть к метеориту в первый раз: берегом Подкаменной Тунгуски до устья Чамбе, затем тайгой прямо на север. По этому пути ученый не мог тогда добраться до метеорита, потому что его проводник-тунгус, взявший с собой в поход семью из пяти человек, вел так медленно, что у экспедиции на полдороге кончились продукты. Кулику пришлось вернуться, и к метеориту он попал другой дорогой — с востока. Хотя второй путь более надежен, так как там все время надо итти речками, и нет риска заблудиться, но он в три раза длиннее. У нас же имеются большие основания как можно скорей добраться до избушки Кулика.

Наши опасения усиливаются, когда вечером, достигнув зимовья у устья Чамбе, мы знакомимся с его обитателями. Постоянно тут живут две семьи. По образу жизни — это типичные пионеры тайги, проникающие иногда в самые глухие ее уголки. Охота, рыболовство, клочок отвоєванной у леса земли, на котором растет тощая рожь, — вот источники жизни таких пионеров. Однако обитателей этого зимовья это, повидимому, не удовлетворяет. Один из них пытался снабжать тунгусов самогонкой, другой не скрывает, что цель его пребывания здесь — найти золото.

— Мой отец нашел где-то тут богатейшую россыпь, да не успел использовать — медведь на охоте его порешил, — рассказывает он, блестя глазами. — Я тогда мольчонкой был, а место отец держал в секрете. Вот теперь и ишу...

Я слушаю золотоискателя и думаю: «Можно ли с ним вдвоем остаться на ночь у костра? Пожалуй, это было бы неосторожно. Люди этого типа с одинаковой легкостью спускают курок и в рябчика и в человека. Особенно если чувствуют свою безнаказанность...»

Бандиты? Ну, конечно, они до сих пор шатаются где-то поблизости. Правда, из мужчин их никто не видел, но их виде-

да одна женщина, которой сейчас нет в зимовье. У ней бандиты и спрашивали, как пробраться к избушке Кулика. Золотоискатель не далее как несколько дней назад нашел на берегах Катанги несколько шалашей со следами недавних ночовок. Потом, две недели назад у них угнали лодку. Кому ночевать в шалашах и кто возьмет тут лодку? — Только они, бандиты...

— А как ты думаешь, — задаю я ему вопрос, — не могут ли этими бандитами быть кое-кто из местных жителей?

— Из местных жителей? — прячет он вдруг куда-то беспокойные глаза. — Да их всего-то тут раз, два и обчелся...

Золотоискатель круто меняет разговор и вскоре выходит из избы. Немного погодя Сытин делает мне знак, чтобы я вышел на улицу.

— Этот тип оседлал лошадь и куда-то исчез, — говорит он, отведя меня подальше от зимовья. — А что вы скажете на это? — показывает он рукой в сторону тайги.

Я смотрю в указанном направлении и сначала ничего не вижу, кроме бездонной тьмы. Но вот далеко-далеко, там, где днем я видел лесистую сопку, блеснул огонек.

— Костер?

— Повидимому, да.

— Но кто тут может жечь костры?

— Я тоже об этом думаю. Охотников как будто тут не должно быть.

По-одному, чтобы не возбуждать подозрений, вызываем из избы остальных товарищей и в кустах устраиваем маленькое совещание. Костер может принадлежать охотникам, но что значит внезапное исчезновение таежного золотоискателя? Время для охоты, а тем более для поисков отцовской россыпи, самое неподходящее, — десять часов вечера. Что можно делать в лесу в такой поздний час?..

Вооружившись винтовками, Сытин и Суслов отправляются в сторону загадочного костра, но они скоро возвращаются: костер исчез словно его стерли губкой. Найти в темноте его место, конечно, невозможно.

Все это немного странно, но впереди еще много таежных километров, которые нам надо пройти. Пора ложиться

спать. Митя тащит свой спальный мешок к костру, а нас соблазняет тепло от стоящей в избе железной печки. Рабочие давно уже спят в сарае, на сеновале. Заняв почти всю избу, мы ложимся вповалку на полу.

В походе люди не страдают бессонницей, и я не помню, как на меня навалился сон. Проснулся я от какого-то жжения во всем теле, словно меня обложили крапивой. Кругом темнота. Зажигаю электрический фонарик, и в следующее мгновение я уже на ногах. Мое лицо, руки, одежда, постель — все было покрыто клопами. Мне никогда не приходилось видеть этих отвратительных насекомых в таком несметном количестве!

От той же причины просыпаются Сытин и Суслов, и только на Вологжина клопы не оказывают никакого действия. Похрапывая и причмокивая губами, он продолжает спать с таким видом, будто укусы насекомых доставляют ему величайшее удовольствие.

На огонь приходит с улицы Митя и сообщает, что он чуть-чуть не пристрелил из нагана лошадь, приняв ее в темноте за подбирающегося к костру бандита. Хотя до рассвета еще далеко, но заснуть в этом клоповнике немислимо. Перебираемся к костру и навешиваем над огнем походный котел с водой для чая.

В сером сумраке зарождающегося дня покидаем подозрительное негостеприимное зимовье.

XI. «Тунгус — вера такой».

У излучины таежной речушки Чамбе, на вгрышейся в тайгу небольшой полянке выбрал себе становище тунгус Павел. Он давно уже бросил кочевать. Поставил из бревен зимовье, как у русских таежников, а позади — чум с неизбежным лекоптыном. Тунгус, если даже будет жить в русской избе, никогда не расстанется с этими атрибутами кочевой жизни. На нижней Тунгуске есть много тунгусов, перешедших на оседлую жизнь, но рядом с избой вы всегда увидите чум, а над ним шест с развевающимися белыми тряпками. Если спросить такого тунгуса, зачем ему чум

раз он постоянно живет в избе, он неизменно ответит:

— Тунгус — вера такой. Без чум и лекоптын нельзя.

В лекоптыне над Чамбе кроме обычных тряпок висит кусок шкуры оленя, а это показывает, что чум принадлежит шаману. Нас встречает целая свора собак. У избы показываются несколько ребятишек, но, заведя так много людей, поспешно прячутся за дверь.

Спешиваемся и входим в избу. Первое, что мне бросается в глаза, это огромная икона, висящая на стене рядом с ружьем. Оказывается, святые угодники могут прекрасно уживаться с шаманским лекоптыном. Впоследствии я

узнал, что эту икону подарил тунгус купец, ликвидировавший на Катанге свою лавочку. Для тунгуса икона была просто картинкой.

Остальное в избе — обычная принадлежность таежного зимовья. Много звериных шкур; ими покрыты просторные нары, на которых, уцепившись друг за друга, сбился в кучу выводок тунгусских ребят. Малыши испуганно таращат на нас черные косые глаза. Чтобы успокоить их и узнать, где взрослые, даем им конфет и сахара, и это оказывает свое действие. Немедленно засунув в рот сласти, тунгусята начинают между собой что-то лопотать. Наконец старшая девочка лет двенадцати говорит по-русски:

— Нет... Ушел... Белка... олень...

Суслов, порядочно владеющий тунгусским языком, вступает с ней в разговор, и в конце концов мы узнаем, что мать, «старый и молодой» (у Павла две жены), ушли промышлять белку, а отец собирает в лесу оленей. Когда вернутся — неизвестно.

Это расстраивает наши планы. Выбрав к метеориту кратчайший путь, мы не уверены, что он действительно окажется таким. Впереди много болот и топей, и благополучно миновать их, не зная местности, довольно трудно. Тунгуса мы предполагали взять в проводники, но ждать его не имеет смысла: он может вернуться и через час и через несколько дней.

Делать нечего, приходится рассчитывать только на себя, и мы покидаем тунгусское становище. Однако не прошли мы по оленьей тропе и километра, как впереди показали ветвистые рога, а рядом с ними — человек с ружьем за плечами. Это и есть тунгус Павел.

Тунгус, повидимому, ничуть не удивлен нашим появлением, — он не задает вопросов — зачем и почему

У палатки таежной речушки выбрал себе становище тунгус Павел...

мы едем в тайгу. Его больше интересует практическая сторона нашего предложения, — сопровождать нас в Страну Мертвого Леса. Пришла самая пора добывать белку, — как ему бросать промысел? Не будет у него белки — не будет и хлеба, сахара, масла...

Мы предлагаем ему подумать, сколько он добыл бы белки за дни, которые потеряет с нами. Стоимость этих белок мы ему возместим. Тунгус начинает загибать корявые, никогда не моющиеся пальцы. Три туда, три обратно, два на

там, куда мы идем, нечем кормить оленя, — а «мурен» (конь), и в руках у него «пальма».

Пальма — это национальное орудие тунгуса, с которым он никогда не расстается в своих странствованиях по тайге. Представляя из себя большой стальной нож, насаженный на длинную, метра в два палку, пальма является незаменимым оружием в борьбе с лесной чащей. Ею прокладывают лесные люди себе путь через таежные дебри. Пальма хороша и против амикана (медведя): тун-

Тунгус ведет нас по таежным дебриам, что без его «пальмы» пробиться через них было бы невозможно...

всякий случай. Чтобы не просчитаться, проделывает это несколько раз. Наконец объявляет:

— Джян пуд мука.

Джян — это десять. Белку Госторг принимает в этом году за 1 рубль 45 копеек, и если принять во внимание, что тунгус добудет в день самое меньшее пять белок, то он запрашивает не много. На фактории мука стоит три рубля 16 килограммов.

Сделка заключена. Тунгус получает записку, по которой он получит на фактории муку, и отправляется на свое становище, чтобы собраться в путь и сделать в хозяйстве необходимые распоряжения. Когда через несколько часов он догоняет нас, с ним уже не олень, —

гус, если он не принадлежит к числу трусов, одним ударом раскраивает зверю череп, как только тот покажется из берлоги.

Тайга с каждым километром становится все более болотистой. Болота или, как их здесь называют, «курью», поросшие богульником и ерником, занимают в северной тайге огромные пространства. Окинешь с высоты сосновой гривы взглядом такую курью, кажется, пройти по ней совсем легко, — она убегает вдаль ровной безобидной полосой. Но горе тому, кто, доверившись этой кажущейся безобидности, сунется в курью. Там сплошная топь. По утрам космы тумана населяют курью фантастическими призраками.

Но тунгус чувствует себя в тайге так же уверенно, как москвич на Тверской улице. Нужды нет, что он тут не бывал, но по каким-то ему одному известным признакам он знает, где лучше переправиться через речку, как пройти через курью. Я скоро убеждаюсь, что без Павла мы тут застряли бы надолго.

Мы прошли тайгой с вьюками больше трехсот километров, но только здесь начинаем чувствовать тайгу по-настоящему. Тунгус ведет нас по таким делянкам, что без его пальмы пробиться через них было бы невозможно, а его ловкость во владении этим оружием изумительна. Одним ударом он перерубает ствол толщиной в пятнадцать сантиметров. И все же, несмотря на пальму, лошади часто застревают между деревьями, и от вьюков летят клочья. У одного из нас всегда наготове иголка и шпагат, чтобы зашивать мешки. Иначе растеряем весь свой багаж.

В довершение всего погода с каждым днем ухудшается. Впрочем, на это нельзя жаловаться: за восемнадцать дней пути небеса были к нам милостивы. Сегодня дождь идет вперемежку со снегом, и мы вдвойне мокры — от дождя и собственного пота. Ведя непрестанную борьбу с тайгой, согреешься даже в сорокаградусный мороз...

ХII. Мы шаманим.

Длинные языки пламени жадно лижут сухие сучья; искры роем блестящих мотыльков улетают в темноту. Где-то в ночи одиноко и жутко кричит филин. У костра в позе китайского Будды, скрестив ноги и положив на них руки, сидит человек с непокрытой головой. Волосы взъерошены, глаза полузакрыты, что еще более делает его похожим на идола. На его лице не движется ни один мускул. Но вот он медленно поворачивает голову вправо, и рот раскрывается в широком зевке. Через некоторое время голова его поворачивается влево. И вдруг резкие гортанные звуки нарушают тишину.

«Шаман» поет, наклоняясь всем корпусом и качая головой в такт своей песни. Слов не разобрать, но в них преобладают звуки «ааа, эээ, ооо». Пер-

вый куплет окончен, но его подхватывают присутствующие. А когда снова водворяется тишина, «шаман» начинает новый куплет...

Тунгус, удивленно переводя глаза с одного на другого, смотрит на это «шаманство». Роль шамана исполняет Суслов, неоднократно наблюдавший тунгусское шаманство. Эту инсценировку мы затеваем с целью заставить Павла проявить свое искусство в шаманстве.

— Ой, чорт с тобой! — восклицает он. — Люче шаманит, как аваньки...

Мы смеемся и просим, чтобы теперь пошаманил он, но Павел упирается. Нет бубна, костюма, помощников. Для малого шаманства костюм и бубен не обязательны, а роль помощников, то-есть тех, которые повторяют куплеты шаманской песни, можем исполнить и мы. Павел — «маленький» шаман, в его распоряжении только три «духа»¹⁾, и обычно такие шаманы, чтобы приобрести популярность, охотно шаманят. Ссылка на отсутствие шаманского костюма и бубна — лишь отговорка, и чтобы добиться своего, прибегаем к средству, которое обычно оказывает на тунгусов неотразимое действие.

— Вот этот люче, — говорит Суслов, указывая на меня, — большой русский шаман — самый гапка. Смотри, как он будет шаманить...

Я сажусь против тунгуса. Передо мной ставят небольшой фанерный ящик, в котором хранится наша дорожная аптечка. Суслов берет деревянную чашку, наполняет ее наполовину водой и протягивает тунгусу, говоря:

— Попробуй, что в этой чашке.

Тунгус пробует.

— Ну, что, вода?

— Самый вода есть.

— Теперь смотри.

Суслов ставит передо мной чашку, и мы затягиваем хором песню. Тунгус смотрит на меня, не спуская глаз, но все же мне удается незаметно достать из ящика флакончик с надписью «Spiritus vini» и отлить из него небольшую дозу в чашку с водой. Когда песня кончается, протягиваю чашку тунгусу:

¹⁾ Могущество шамана определяется количеством «духов», которых он может вызывать во время шаманства.

— Попробуй и скажи, что тут теперь.

Тунгус недоверчиво берет чашку и нехотя подносит к губам. Внезапно его лицо расплывается в довольной улыбке:

— Ах, чорт с тобой, самый арака есть!

И без лишних церемоний опрокидывает чашку в рот.

— Самый большой мастер... Гапка!— говорит он, с почтением глядя на меня.

Он отлично понял мой фокус, и видит флакончик, вынутый из ящика, но удивлен моей ловкостью и делает вид, что принял мое шаманство за чистую монету.

Язык у Павла развязался, но все-таки сегодня шаманить тунгус не хочет. В тайге кричит филин, а «дух» этой птицы не находится в его распоряжении, — может помешать. Как следует он пошаманит на обратном пути, а сейчас только посмотрит в воду. Русский шаман, глядя в воду, заставил ее превратиться в «араку», а тунгусский шаман увидит в воде то, что хочет люче.

Что сейчас делает человек, к которому мы идем? — Хорошо, тунгус-шаман сейчас это увидит...

Тунгус наполняет водой ту же чашку и, держа ее обеими руками, подносит к лицу. Разговоры смолкают. Глаза всех впиваются в застывшую фигуру тунгуса. Глядя в воду, он сидит как каменное изваяние. Только губы беззвучно шевелятся. В этой позе он напоминает слепого нищего, просящего милостыню.

— Эээ, — вдруг коротко произносит он и выплескивает воду через левое плечо. Лезет в карман за табаком, набивает трубку и лишь тогда говорит:

— Люче там, в тайге... Жгет огонь... У него как будто горе какой есть...

Раскуривает трубку и вдруг добавляет:

— Люче будет рад, если найдем его.

— А почему мы можем его не найти? — задает кто-то вопрос.

— Может, Красного Человека встретим. Тогда не найдем...

— Это кто же такой, дух?

Тунгус не спеша затягивается несколькими раз и, глядя в огонь, говорит:

— В тайге живет два человека: Красный Человек и Белый Человек. Когда охотник теряет дорога, начал кружить — это ведет его Красный Человек. Красный Человек злой. Он хочет заманить охот-

ника, чтобы он помер в тайге. Охотник, когда закружал, не найдет дорога, если ему не помогает Белый Человек. Этот добрый. Он помогает найти дорога.

— А ты видел когда-нибудь Красного или Белого Человека? — спрашиваю я.

— Я не видал, другой видал. Пошел в лес промышлять белку, Красный Человек его закружал. День кружал, два кружал, три кружал — нет дорога чум. Вот смотрит: едет навстречу Белый Человек на белом мурене. Говорит охотнику: «Иди эта дорога, придешь домой, скажи аванькам: «Мне показал дорога Белый Человек»... Охотник говорит: «Они не поверят»... Опять говорит Белый Человек: «Дай руку»... Дал охотник руку. Белый Человек положил свою ладонь на ладонь охотника, вот так, и ладонь охотника стала белая. «Три года будет белая», — сказал Белый Человек. Так и было. Мыли-мыли — не отмыли, три года прошло, стала какая была...

Завернувшись в спальный мешок, я лежу с открытыми глазами и прислушиваюсь к тишине. Таежная жизнь затаилась в темноте, и загадочно жуткими кажутся ее приглушенные голоса. Вот под невидимой ногой треснул сучок; завозилось что-то в ветвях, прозвучал и смолк вдаль какой-то крик. Для наивного тунгуса это и есть мир «духов». Это они, «духи», бродят сейчас там, наступая на сучья, возясь в ветвях, издавая крики. Это их ловит своими зевками шаман, собираясь предсказывать судьбу человека...

Не знаю, что видел тунгус, когда смотрел в чашку с водой. Дух капризен и не всегда является на зов. Но что дух, которого он вызывал, действительно существует, как существуют и Красный и Белый Человек, в этом Павел пока еще убежден крепко...

ХIII. Страна Мертвого Леса.

— Идешь, бае? Ну, иди, иди. Там ты минуешь Дилюшму, потом попадешь на Хушмо. По ней пройдешь Ухогитон и Ухогагитту, а там увидишь ручей Великого Болота. Я буду рад, если с тобой не будет беды...

Так когда-то напутствовал Кулика шаман на пороге Страны Мертвого Леса.

Наш шаман Павел не говорит напутствий, потому что идет вместе с нами, но в душе вполне разделяет опасения того шамана. Чувствуя ко мне особое доверие, он несколько раз спрашивает меня, не случится ли с ним чего худого в этом страшном месте.

— Аванька ходить сюда боится, — говорит он. — Я иду, потому что лучше идет. Огды ничего не сделает лучше... Видишь? Он тут делал большой беда...

Да, я вижу. Уж давно нам попадаются поваленные, вывороченные с корнями деревья, которые трудно отнести к обычному таежному бурелому, — они все лежат вершиной в одну сторону, как будто их нарочно так положили. До сих пор этот перелом носит частичный характер, — тайга повалена лишь на северных склонах округлых сопок. Но чем дальше мы идем берегом красавицы Макитты, торопливо бегущей на свидание с быстроводным

Чамбе, тем чаще и обширнее плещи поваленного леса.

Лучи осеннего солнца разогнали пелену облаков, но крупные капли ночного дождя, словно невытертые слезы, блестят еще на иглах сосны и пихты, обдавая нас каскадом брызг, когда выюк цепляется за ствол дерева. Из-за зубчатого гребня ельника поднимает двуглавую вершину последняя возвышенность из Ожерелья Макитты — «Шакрома» («Сахарная Голова»). К востоку, преграждая путь, тянется горный хребет. На нем нет растительности, и издали кажется, что он легко проходим. Но тунгус смотрит на хребет, приложив козырьком руку к глазам, и говорит:

— Там не надо ходить... Тайга...

Я вглядываюсь вперед и только тогда замечаю темные полосы, которыми исчерчены склоны хребта. Тунгус, у которого зрение ястреба, прав: там действительно тайга. Но тайга эта не стоит, а лежит..

Между Шакромой и хребтом — полая, густо заросшая седловина, и в нее сворачивает тунгус. Без усталости работает пальма, и кажется, что дебрям не будет конца. Несколько раз перевьючиваем лошадей, а мешки трещат так, что не успеваем зашивать. Но вот впереди светлеет, и чаща выпускает нас из своих объятий. Мы на опушке.

Странное, невиданное зрелище! Впереди чисто. От голубеющих справа и слева далеких хребтов и вдаль, насколько хватает глаз, прошелся гигант-косарь и положил на землю буйную тайгу, как траву. Ни одной рожицы, ни одного живого деревца, которые скрасили бы картину великого разрушения. Полуобожженная мертвая тайга лежит на земле хаосом переплетающихся сучьев и стволов, но в этом хаосе есть своя закономерность: все деревья лежат вершиной в одну сторону. И настил бурелома так плотен, что по нему можно идти, не прикасаясь ногами к почве.

Глядя в долу, тунгус сидит как наемное изваяние...

— Ой, диво, диво, как валил! — качает головой тунгус. — Весь тайга кончал...

Для Павла настал решительный момент: или он сейчас забастует, как это было с проводником Кулика, отказавшимся идти в Страну Мертвого Леса, или любопытство возьмет в нем верх над страхом. Мне удалось подметить, что он очень заинтригован, зачем мы идем в это страшное место.

Собственно говоря, тунгус нам больше не нужен. Мертвая тайга укажет нам путь лучше любого проводника. Придерживаясь направления лежащих на земле деревьев, мы безошибочно придем к избушке Кулика, так как лес повален, по словам Сытина, радиусом от центра падения метеорита. Избушка находится в середине гигантского веера, который образует этот бурелом.

Первым дергает за повод Вологжин, за ним — тунгус: любопытство победило! Мы вступаем в Страну Мертвого Леса. Кругом безмолвно и пусто. В небе не

видно ни одной птицы, внизу ни одно движение не нарушает покоя мертвой тайги. Треск, которым сопровождается наше продвижение по этой грандиозной засеке, кажется особенно громким среди глухой тишины.

Покидая чащу, мы думали, что нам

уже не придется пускать в ход иголку, но лишь теперь для нее началась настоящая работа. Итти мертвым лесом труднее, чем пробираться через джунгли тропиков. Сухие сучья, острые, как копыта, угрожают не только нашим вьюкам, но и лошадям и нам самим. Прежде чем занести ногу, нужно выбрать место куда ее поставить, но и после этого еще нельзя сделать движения: надо посмотреть, не нацеливается ли вам в глаз предательский сучок. Только тогда вы можете сделать шаг.

Скорость движения катастрофически падает, а нам предстоит преодолеть не менее двадцати пяти километров буре-

Карта маршрута и средств передвижения экспедиции Академии Наук, снаряженной в помощь Д. А. Кулику.

лома. Наши предположения сделать сегодня ночовку на реке Хушмо рушатся после первых же шагов по мертвому лесу. Солнце уже готово скатиться за горизонт, когда мы достигаем болотистых истоков Макитты, а это значит, что до Хушмо еще не менее пятнадцати километров.

Из мелкой поросли березняка поднимается табун полевиков — первые живые существа, которых мы встречаем в мертвой тайге. Хотя мы уже давно не имели на ужин дичи, нам не до охоты: при переправе через болото по уши нырнула в тину одна из лошадей. Вытащив после

Время от времени подавая сигналы из винтовки, мы не теряем надежды, что охотник вернется. Но вот тьма давно уже поглотила Страну Мертвого Леса, остыл оставленный Мите ужин, а юноши все нет. Сытин берет в руки ружье, сует в карман кусок хлеба и банку консервов и говорит:

— Митя, несомненно, прошел на Хушмо. Я пойду туда и у зимовья буду стрелять, чтобы он знал куда итти.

Сытин надеется на свою память, — он был на Хушмо вместе с Куликом и знает, где находится зимовье. Но когда он уходит, тунгус бормочет, ни к кому не обращаясь:

— Один кружал — стало два... Будет худо, если не встретится Белый Человек...

Обожженная мертвая тайга лежит на земле хаосом сучьев и стволов...

долгих усилий коня, выбираем место, для лагеря и тут только замечаем, что одного из нас не хватает. Кого? — Конечно, комсомольца. Он у нас «веры такой». На этот раз Митя погнался за тетеревами.

По-настоящему тут заблудиться трудно: идя по направлению поваленных деревьев, рано или поздно выйдешь на реку Хушмо, а Мите известно, что на Хушмо имеется выстроенное экспедицией Кулика зимовье, от которого идет тропа к избушке Кулика. Но, выйдя на эту реку, как он будет знать, куда итти к зимовью — вверх или вниз по реке? Хушмо длинна, и если Митя возьмет неверное направление, мы его не скоро увидим...

XIV. «Два кружал — стало три».

Утро занялось хмурое. Тянет пронизывающий северный ветер. Еще угрюмее смотрит Страна Мертвого Леса, придавленная тусклым нависшим небом.

Завьючиваем последнюю лошадь. В это время над нами, свистя крыльями, проносится десяток тетеревов. Это, несомненно, те самые птицы, которые предательски увлекли Митю в глубь мертвой тайги, но, хватаясь за ружье, я забываю об этом. Тетерева садятся совсем близко, и нет возможности удержаться от соблазна.

Рассчитывая нагнать отряд в пути, предупреждаю, чтобы меня не ждали. Углубляюсь в бурелом. Местность от-

крытая и, пробираясь через сухой валежник, я произвожу много шума, но птицы доверчиво подпускают меня на выстрел. Тетерева с любопытством вытягивают длинные шеи: вероятно, они видят человека в первый раз. Ближайший тетерев падает на землю, но второй, в которого стреляю в лет, оставляет после себя лишь несколько перьев. Табун снимается и перелетает в мелкую поросль ближайшего болота.

...Оглядываюсь назад — отряда не видно. Что-то шепчет мне, что охоту на этом следует закончить. Но разве можно устоять, имея на поясе красавца-косача и видя, как остальные ждут лишь того, чтобы присоединиться к первому трофею? Охотник меня поймет.

Птицы, однако, напуганы. Снимаются вне выстрела, перелетая в следующее болото. Лишь после нескольких подходов добываю еще одну. Только тогда тетерева догадываются, как им избавиться от моего преследования. Снявшись еще раз табун, они разлетаются в разные стороны.

Я все-таки пытаюсь обмануть одного тетерева, который садится на сухую лиственницу ближе всех, но он вскоре улетает, скрываясь из вида. Тогда я прихожу в себя. Смотрю на часы и не верю глазам. Неужели я гонялся за тетеревами три с лишним часа? С бивака я вышел в семь, а теперь одиннадцатый. Где же может находиться отряд?

Вспоминаю, что, преследуя птиц, я все время шел как будто на восток, а путь отряда лежит на север. Следовательно, чтобы нагнать его, мне надо идти на северо-северо-запад. Солнца на небе нет, и я лезу в карман за компасом, но... он остался в сумке, которую я не взял. Непростительная оплошность!

Впрочем, дело поправимо: бурелом — это тот же компас. Целый час ломлюсь через дьявольский завал сухого леса, затем делаю два условных выстрела. Слушаю долго, до звона в ушах, но ни один звук не нарушает гнетущего безмолвия. Лишь ветер порой шуршит сухими сучьями.

Еще час борьбы с буреломом, и я упираюсь в большое болото, густо заросшее высоким, в рост человека, ерником. Его надо обходить, но, пройдя несколько сот

метров, в нерешительности останавливаюсь. Кругом все так однообразно, что нет ни одного предмета, по которому можно было бы ориентироваться, а бурелом теряет свою закономерность. Стволы деревьев лежат в разных направлениях: Это уже совсем скверно. Так, пожалуй, я не скоро отсюда выберусь.

Оставляю болото и спешу на более высокое место. Вскоре поваленные деревья снова принимают определенное направление. Пройдя километров пять, повторяю сигнал, но ответа опять не получаю. Страна Мертвого Леса молчит, как сфинкс. Тогда я взбираюсь на одиноко торчащий ствол мертвой лиственницы и окидываю взглядом горизонт. Мертвая тайга, убегая вдаль взлохмаченными увалами, смотрит безнадежной пустотой. Ни одной движущейся точки!

Конечно, реку Хушмо я в конце-концов найду, но со мной может случиться то же самое, что и с Митей. Выйдя на реку, я не буду знать, в какой стороне искать зимовье. Наш тунгус, пожалуй, уже может сказать:

«Два кружал — стало три»...

Перспектива долгого одиночества среди мертвой тайги мне не улыбается, — при мне очень небольшой запас патронов. Отряд надо найти во что бы то ни стало, пока он не ушел слишком далеко. Достигнув Хушмо, товарищи, несомненно, примут меры, чтобы разыскать меня, но разве скоро найдешь человека среди этого почти фантастического бурелома?

Кулику в его избушке, думается мне, нечего беспокоиться о бандитах, если бы даже они вздумали нанести ему визит. Этот бурелом охраняет его от нежелательных посещений надежнее, чем охраняла бы сотня вооруженных с головы до ног людей.

Небо все более хмурится, каждую минуту надо ждать дождя или снега. От непрерывной гимнастики, которую представляет из себя ходьба по бурелому, на мне все мокро. Часовая стрелка показывает час. Значит, я иду уже около трех часов. Прошел я немного: какой-нибудь десяток километров, но по количеству затраченных сил это расстояние втрое больше.

Сажусь на ствол дерева и закуриваю папиросу, но она тотчас же теряет свой

вкус. Из-под ног скалит мне зубы белый череп — человеческий!.. Кто и когда нашел себе тут смерть? Но мертвая тайга никогда не раскроет этой тайны...

Неожиданная находка действует неприятно. «А что, если я здесь сломаю ногу? Кто найдет меня тогда?» — мелькает мысль. Окружающая обстановка действует угнетающе. Не докурив папиросы, оставляю ствол и иду дальше.

Вдруг я останавливаюсь. Длинный тягучий звук пререзает тишину. Этот, звук тосклив, как завывание голодного волка в лунную ночь, но мне он кажется не менее приятным, чем звуки хорошей скрипки. Это воет одна из наших собак, заблудившаяся, как и я, в буреломе. Отряд должен быть недалеко. Сибирская лайка теряется в тайге удивительно быстро: отойдя от хозяина на две сотни шагов, она уже начинает скулить.

Даю сигнал ружьем. Вой смолк, и снова в ушах звенят колокольчики тишины. Но вот далеко-далеко слышатся два коротких звука. Мертвая тайга возвращает наконец мне выстрелы...

— Потерять сразу троих — это уж слишком! — укоризненно качает головой Суслов. — Хорошо, что скоро выбрались.

— Мне указал дорогу белый человек, — говорю я. — Если бы не он, вы, пожалуй, не скоро увидели бы меня.

— Вы шутите, конечно?

— Нисколько. Меня на самом деле погнал вперед белый человек, только он состоял из одного черепа. Если бы я зашел на колоде, мне не удалось бы вас нагнать...

XV. Лагерь № 13.

Сливаясь с тусклым горизонтом, темной грядой надвигается хребет. Рабочий Сизых, участник метеоритной экспедиции, говорит, что это последний барьер, отделяющий нас от центра падения метеорита. За хребтом находится Великое

Из-под ног скалит мне зубы белый череп — человеческий!..

Болото, на котором засел наш ученый Кулик.

Ветер прекратился. Сверху летят белые пушинки. Они падают все чаще и чаще и в течение получаса покрывают белым саваном Страну Мертвого Леса. Вот и зима.

Отряд взял направление удачно. В глубоком провале, по дну которого, извинаясь, бежит река, виден сруб зимовья. Это лагерь № 13. Плывая в 1927 году на плоту по Хушмо, Кулик сделал здесь тринадцатую остановку. Зимовье выстроено летом этого года.

Долго ищем удобный спуск и, наконец, в брод переправляемся через реку. Ее течение так быстро, что на ней почти нет льда. Не доходя сотню шагов до зимовья, видим на реке заездок для ловли

мордами рыбы. В питании метеоритной экспедиции при трудности завоза сюда продуктов пойманная в Хушмо рыба играла видную роль, но сейчас не видно признаков того, что заездком пользовались в недавнее время. Морды торчат на кольях, а две лодки вытаснены на берег.

Но где же тот, кто заблудился, и тот, кто пошел его искать? Где Митя и Сытин? Если с первым действительно стряслась беда, то второй должен бы быть здесь, а между тем нам никто не выходит навстречу. Приткнувшееся на берегу реки зимовье также не подает ни малейших признаков жизни.

Спешиваемся и открываем дверь. Пусто! Ничего, кроме очага из камней, скамейки и полока, — зимовье служило метеоритной экспедиции баней. Перед зимовьем на кольях устроено нечто в роде стола, — там сиротливо стоят жестяная кружка и такой же чайник. Не будь снега, может быть, и можно было бы приблизительно сказать, когда в последний раз тут были люди, но снег прикрывает все; на нем не видно никаких следов.

Остается осмотреть еще лабаз — основательнейшее сооружение на четырех столбах, которое в Москве при квартирном кризисе с успехом могло бы служить жильем. В лабазе, разумеется, мы не найдем наших потерявшихся товарищей, но там, как говорит Сизых, должны храниться основные продукты Кулика. Лабаз находится в сотне шагов от зимовья.

Лестница лежит там, где ей полагается, — на земле у столбов. Лабаз так высок, что с последней ступеньки, чтобы попасть внутрь, надо подтянуться на руках. Первым протискивается в узкую дверцу массивный Вологжин, за ним лезу я. Падающий через дверь свет скудно освещает внутренность лабаза.

В углу стоят два мешка с мукой, один полный, другой начат до половины; в другом углу — рамки с листами толстой бумаги — гербарий; на веревочке, протянутой под крышей, перекинута доха. На полу две жестяных банки из-под монпансье: в одной — граммов пятьсот сахара, в другой — немногим больше коровьею масла. Сломанный топор, несколько пустых мешков, концы веревок. Вот и

все. Запасы не велики, а главное — как давно лабаз посещался человеком? На этот вопрос мы не находим ответа. Человек мог быть тут в последний раз и вчера и несколько месяцев назад.

Покончив с осмотром, молча спускаемся из лабаза. В голове каждого невеселые мысли. Цель нашего путешествия близка, но найдем ли мы заветную избушку обитаемой? А тут новая забота: двоих из нас нет, и неизвестно, где они и что с ними...

Усаживаемся на опрокинутую лодку и принимаемся обсуждать создавшееся положение. Мнения разделяются: Сулов предлагает остаться пока здесь и немедленно организовать поиски отбившихся, а Вологжин утверждает, что необходимо идти к избушке Кулика и на поиски отправиться лишь оттуда. Взвешивая оба предложения, я думаю, к какому из них присоединиться. В это время мой взгляд падает на стену зимовья, повыше двери. Там прибита какая-то бумажка.

— Вы не видели, что это там такое? — спрашиваю я.

— Нет. Может быть, она нам что-нибудь скажет?...

В следующий момент бумажка в наших руках. Почерк знакомый:

«Вчера я не дошел до лагеря и ночевал под колодой. Митя пришел утром на мои выстрелы. Он убил тетерева, но Серко его сожрал. Чтобы не терять времени, идем к избушке Кулика. Сытин».

Они дажно у Кулика, а мы сидим и ломаем голову, где их искать. Как это никто из нас не заметил бумажки раньше? Они прибили ее слишком высоко. Оба ушли с зимовья задолго до того, как начал падать снег.

Итак, теперь остается одно: заглянуть в избушку на таинственном Большом Болоте. Скорей туда!..

XVI. У заветной избушки.

Тунгусу ничто не мешает остаться на этом зимовье, чтобы на следующее утро двинуться в обратный путь. Его роль окончена, но он хочет посмотреть, что это за Кулик, который не боится жить один на Большом Болоте.

Снег продолжает падать, сглаживая острые выступы хребта, ставшего от-

весной стеной за Хушмо. Мы вступаем в узкий, как ворота, раствор ущелья, по дну которого прокладывает себе путь торопливый поток. Это и есть тот ручей, который вытекает из Великого Болота и о котором, напутствуя Кулика, говорил шаман.

После долгих дней борьбы с тайгой и буреломом кажется странным, что на нашем пути нет никаких препятствий. Метеоритная экспедиция положила немало трудов на разработку этой тропы, связывающей лагерь № 13 со стоянкой Кулика в центре падения метеорита. Убранный с тропы бурелом лежит по сторонам высоким барьером. Через каждые сто метров — столбик с надписью: «М. Э.» — что значит: «Метеоритная экспедиция». Под этими буквами — цифра, обозначающая пройденное от лагеря расстояние.

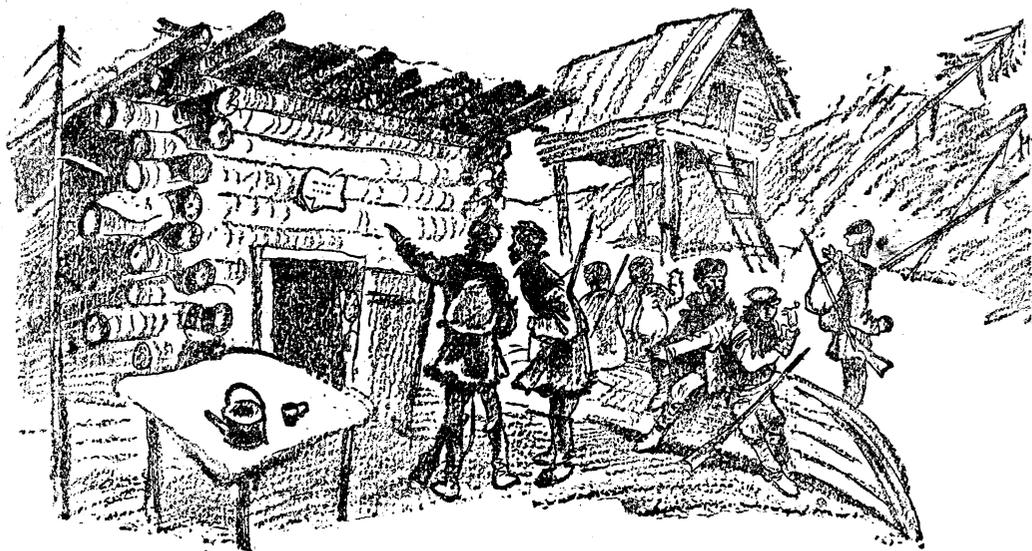
Извиваясь, как убегающая змея, ущелье смотрит угрюмо, словно не довольно нашим вторжением в его каменные недра. Его склоны также завалены буреломом, из-под которого то-и-дело выглядывают груды камней. В давно прошедшие времена тут лились потоки изверженных наружу пород, которые, остыв, преобразились в камень. Основание этого хребта целиком сложено из гранита.

Столбик отмечает второй километр, когда мы упираемся в тупик. Ущелье кончилось, дальше почти отвесная стена

из камня. С этой стены красивым водопадом низвергается ручей. Тропа, пересекая ручей, круто поворачивает влево, в обход скалы. Наши лошади, непривычные к жесткому грунту гор, ступают боязливо, и мы долго поднимаемся по крутому склону на перевал.

С высоты можно было бы на далекое расстояние окинуть взглядом Страну Мертвого Леса, но пелена падающего снега закрывает горизонт. Плоскогорье обширно. Окаймленное грядой типичных для северного пейзажа холмов, оно расширяется по мере нашего продвижения. Несмотря на относительную высоту и часто попадающиеся камни, ноги лошадей то-и-дело по колено уходят в почву, а временами приходится преодолевать настоящие топи. Тунгусы не даром зовут это место Большим Болотом, — плоскогорье сплошь заболочено. Еще вернее было бы назвать его Каменным болотом.

Бурелом хотя и продолжает устилать почву, но принимает иной характер. На земле больше не видно вывороченных корней, а лежат лишь верхние части деревьев. Воздушный вихрь, очевидно, пронесся тут высоко и, обломив верхушки, оставил стоять стволы. Эти стволы также мертвы и, лишенные коры и ветвей, похожи на телеграфные столбы. Если угрюм и жуток вид бурелома, лежащего на земле, то не менее мрачен вид и этого обнаженного леса.

Мой взгляд падает на стену зимовья, повыше двери: там прибитая какая-то бумажка...

Выпавший снег побелил мертвый лес: без покрывала снега кругом было бы черно, как в печной трубе. Деревья носят следы сильного ожога, но настоящей гари нигде не видно, и это невольно останавливает внимание. Почему в тайге не было пожара, раз тут был огонь? Правда, стоящие на корню сырые деревья зажечь трудно, но в тайге достаточно сухого валежника, который иногда загорается от окурка. Объяснение этого любопытного явления, по-моему, может быть двоякое: или ожог был настолько молниеносен, что не мог вызвать настоящего пожара, или начавшийся от ожога пожар в скором времени прекратился. Жители Приангарья, помнящие падение метеорита, говорят, что после того, как огненный шар упал в тайгу, в скором времени разразилась сильнейшая, небывалая гроза с ливнем. Пожар тайги, вызванный приходом небесного гостя, мог быть потушен дождем.

Через частокол лишенных верхушек деревьев тропа идет узкой прямой просекой. Вот она делает поворот. Далеко впереди два темных пятна.

— Это идут наши, — говорит едущий впереди Воложкин, — Сытин и Митя.

— Значит, они идут назад?

— Выходит, что так...

Мне вдруг становится жарко, словно я окунулся в горячую ванну. Неужели мы опоздали. Возвращение товарищей можно объяснить только тем, что избушка на Большом Болоте оказалась пустой...

Вуаль падающих снежинок мешает рассмотреть фигуры идущих. Пытаемся подогнать лошадей, но, проделав почти четыре сотни километров по тайге, животные остаются безучастными к сыплющимся на них ударам. Мой Гардероб и одна вьючная лошадь уже выбыли из строя, а остальные хотя и несут на себе вьюки, но скорость их движения не многим отличается от скорости черепахи.

Темные пятна на просеке хотя и увеличиваются в размерах, но не похоже, чтобы они двигались нам навстречу. Да и по форме они мало походят на фигуры людей. Так и есть! Наша тревога оказалась напрасной. Это просто два пня.

Столбик сбоку просеки отметил уже семь километров. Сухостой редее, тропа делает новый поворот. Впереди открывается обширная котловина, замкнутая со всех сторон конусообразными сопками. При первом взгляде на дно котловины мне приходит на ум небесная спутница нашей планеты Луна, — так похожи усеявшие котловину воронки на кратеры, которые видны на лунной поверхности, когда смотришь на нее в телескоп.

Но внимание тотчас же устремляется на другое. У противоположного края котловины, где оканчивается скат покрытой сухостоем сопки, виднеется лабаз, а за ним — зимовье. Это избушка Кулика, его жилище... Оттуда слышится лай собаки, но, может быть, это лает Серко, — он ушел со своим хозяином. Нет, лает несколько собак — значит, в избушке живут люди...

От зимовья отделяется фигура высокого человека и, перепрыгивая через кочки болота, почти бежит нам навстречу. В последовавших затем впечатлениях разобраться трудно — так быстро происходит встреча. Узкое, немного бледное лицо, большие очки, темная с проседью борода, перетянутый разноцветным пояском ангарский зипун и длинные ноги — вот как выглядит человек, до боли сжимающий мне руку. Может быть, это совсем не подходит к данному моменту, но, отвечая на приветствие, я невольно думаю: «Как хорошо, что у него длинные ноги! Только с такими ногами можно ходить по Великому Болоту...»

Этот человек — Леонид Алексеевич Кулик...

(Окончание в следующем номере)

Леонид Алексеевич Кулик.

С фотографии А. Гринберга, снятой специально для «Следопыта» в фотолаборатории Академии Художественных Наук в Москве.

За тунгусским дивом

Очерки Ал. Смирнова

участника экспедиции, снаряженной Академией Наук в помощь Л. А. Кулику

Рисунки хвд. П. Староносова

XVII. На Великом Болоте.

Вечерет. Бесшумно и лениво падают пушистые хлопья, но сквозь их белую вуаль уже проглядывают голубые оконца.

Сегодняшний день был богат впечатлениями, и я охотно остался бы в избушке, отложив осмотр Великого Болота до завтра, но как об этом сказать ученому? Мы первые люди из культурного мира, добравшиеся до места, где небесный гость поцеловался с Землей. Нетерпение Кулика показать нам следы этого поцелуя вполне понятно.

Проглотив по кружке горячего чая, мы покидаем избушку. В том же зипуннике, в шапке-треухе, с длинной палкой в руках Кулик идет впереди. Я смотрю на его высокую фигуру и поражаюсь той почти юношеской легкости, с которой он прыгает через кочки и бурелом. Удивительный человек! Полгода прожить среди этого угрюмого безмолвия, месяцами не видеть человеческого лица и, тем не менее, сохранить полную душевную бодрость, даже жизнерадостность! Это можно объяснить только тем энтузиазмом, с которым работает ученый над раскрытием тайны метеорита.

«Кулик — птичка маленькая, но этот Кулик засевавший на таежном болоте в поисках осколков кометы, несомненно стоит итальянца Нобиле со всеми его потрохами». — так выразился незнакомый мне пассажир в поезде, прочитав в

газете сообщение о снаряжении экспедиции на помощь Кулику.

Нашему прибытию ученый, разумеется, рад, но рад не столько тому, что наконец-то после долгих дней одиночества увидел живых людей, а тому интересу, который проявила советская общественность к тунгусскому диву. Ведь на завоевание этого дива им затрачено уже семь лет, семь лет незаметного, но упорного труда, сопряженного со многими лишениями, а подчас и опасностями.

Вот слова, с которыми обратился к нам Кулик, когда мы собрались в его избушке:

— Не знаю, как выразить мою радость по поводу вашего прибытия. Видя вас здесь, я могу безошибочно сказать, что наша общественность обратила внимание на то исключительное в научном отношении явление, следы которого вы видите тут всюду вокруг себя. Я, значит, не одинок, и это для меня самое ценное.

Странные углубления, которыми изрыто дно расстилающейся перед нами котловины и которые при взгляде на них сверху напомнили мне лунные кратеры, начинаются от самой избушки ученого. Вблизи эти ямы похожи на воронки от тяжелых снарядов. Диаметр их различен — от пяти до полусотни метров, края обрывисты, а дно затянуто полужидким моховым покровом. Я беру длинный шест, опускаю его в воронку, но дна

не достаю. Наклоняюсь, чтобы опустить шест поглубже, и начинаю ползти вниз по крутому обрыву. Несколько рук приходят мне на помощь.

— С этими ямами надо быть осторожным, — говорит Кулик. — Я вот так же свалился в одну и едва выбрался. Хорошо, что был не один.

Он наклоняется, разрывает снег и достает горсть старого мха:

— Смотрите.

Мох обожжен. Все в котловине носит следы ожога, и тут они выражены сильнее, чем в буреломе, которым мы шли. Но так же, как и там, здесь не видно признаков продолжительного горения. Значит, этот ожог также не является результатом обычного лесного пожара.

Пересекаем котловину и упираемся в частокол мертвого, с обломленными верхушками леса. Остановившаяся, Кулик говорит:

— А вот здесь случилось то, о чем я уже рассказывал. Из этого леса пришло наше спасение.

Две недели назад таежные робинзоны — Кулик и его рабочий Китьян — убили тут огромного самца-лося, и это действительно явилось для них спасением. Кроме того, что мы нашли в лабазе на берегу Хушмо, у них не было никаких продуктов. Сахар и масло иссякли давно, а мизерные запасы в лабазе отложены на обратный путь из тайги. В избушке у них лишь немного муки, из которой они пекут пресные лепешки. В сентябре в морды на Хушмо изредка попадалась рыба, но потом она перестала ловиться. Тогда стали стрелять белок, так как кроме этого зверька и бурундуков никакой дичи в окрестностях не попадалось. И хотя мясо белки отвратительно на вкус, но разбирать не приходилось — их съели семнадцать штук. И вот тут-то явилась подмога в виде лося.

— Он забрел в эти края, вероятно, случайно, — говорит Кулик. — Раньше мне тут никогда не попадались следы сохатых. Облаенный нашими собаками, зверь, видимо, оторопел от неожиданной встречи, подпустив нас шагов на пятнадцать. Выстрелом из манлихера я свалил его сразу, хотя Китьян также не утерпел всадить в него пулю. С этого момента мы уже не знали забот о еде.

Снежные тучи сваливаются за гряды холмов, и над котловиной протягивается темный, усеянный золотым горохом полог вечернего неба. Крепко берет мороз. Снег поскрипывает под ногами, когда мы возвращаемся назад. Глубокое безмолвие царит на Великом Болоте.

Избушка встречает нас теплом жарко натопленной печи, а аромат от стоящего на столе большого котла с вареной сохатиной приятно возбуждает аппетит. После того как пройдешь тайгой почти тысячу километров, немного нужно, чтобы почувствовать себя счастливым. Компания хороших товарищей, кров для защиты от непогоды и кусок горячего мяса — этого вполне достаточно.

XVIII. Страшный поцелуй.

Кусочек из истории небесных камней.

Это было во Франции в 1768 году. Стоял летний вечер. Крестьяне одной деревушки сидели около своих домов, толкуя об урожае. Вдруг в темном безоблачном небе сверкнула ослепительная молния. Что-то со свистом пронеслось над деревней и упало за околицей. Забыв о своих делах, крестьяне бросились туда.

На лугу, наполовину зарывшись в землю, лежала темная масса. Она была так горяча, что к ней нельзя было прикоснуться. Охваченные страхом крестьяне разбежались. Вернувшись наутро, увидели, что эта масса была не чем иным, как камнем. Он имел черный цвет и был очень тяжел.

Парижская академия наук заинтересовалась этим явлением и послала особую комиссию из ученых для обследования странного камня. И хотя в эту комиссию входил знаменитый ученый Лавуазье, имя которого известно теперь каждому школьнику, ученые отказались поверить рассказу крестьян, что черный камень действительно упал с неба.

— Вам, вероятно, это приснилось, — сказали ученые крестьянам. — Камни не могут падать с неба...

Этот случай невольно мне вспоминается, когда я слушаю историю завоевания Куликом тунгусского дива. Явления, сопровождавшие падение этого метеорита, еще не имели прецедента в

истории метеоритики и многими отнесли к области досужей фантазии. По словам этих скептиков падения метеорита за Подкаменной Тунгуской не было, а те разрушения, которые нашел там Кулик объяснялись ими очень просто буреломом произведен циклоном, ожог — результат лесного пожара, а воронки на Великом Болоте — не что иное, как обычные тундровые мочезины.

скими станциями, расположенными по долинам Енисея и Лены, а также показаниями местных жителей.

Кроме того, картина произведенного здесь великого разрушения совершенно не соответствует тому, что оставляют после себя циклоны. Мы прошли двадцать пять километров сплошного бурелома, и на всем пути поваленные деревья встречали нас своими вершинами. Обойдя Великое Болото, я убедился в этой закономерности. Другими словами, тайга повалена строго по радиусам, образуя гигантский круг, может быть,

Я беру длинный шест, опускаю его в воронку, но дна не достаю...

Несомненно, тропические циклоны — страшная сила. Об их разрушительном действии довольно часто сообщают газеты. Разрушенные города, вырванные с корнем леса, тысячи человеческих жертв — вот что оставляют они после себя в Мексике, Калифорнии, Флориде, на Филиппинах. Однако сомнительно, чтобы циклон мог здесь, на водоразделе между Чуней и Подкаменной Тунгуской, произвести опустошения.

Во-первых, этот район слишком близок к Полярному кругу, чтобы тут вообще могли быть тропические циклоны. Но если даже это и допустить, то ведь 30 июня 1908 года, когда это произошло в данном районе как раз стоял устойчивый антициклон: воздух был совершенно тих, а небо — без единого облачка. Это установлено метеорологиче-

ским эллипсис, центром которого является Великое Болото.

Какой циклон оставлял после себя подобные следы? Как известно, во время циклона лес валится или в одном направлении — в сторону движения воздушного вихря, или представляет собой хаос исковерканных, разбросанных во все стороны деревьев.

Невозможно также ожог, печать которого тут лежит на всем — и на деревьях, и на моховом покрове, и на костях зверей, которые нам попадались в буреломе, — объяснить обычным лесным пожаром. Мне хорошо знакомы пожары тайги. Если бы тут имел место пожар, это было бы такое грандиозное явление, которое не могло бы остаться незамеченным в долинах Енисея и Ангара. Огонь должен был бы захватить

тысячу квадратных километров зеленой болотистой тайги, а для этого потребовалось бы более или менее продолжительное время. Дым от такого пожара распространился бы на многие сотни километров, на две недели закрыв солнце.

Между тем, ни тунгусы, становища которых находятся по соседству с этим районом, ни жители Приангарья не наблюдали в это время пожара в тайге. Но, отрицая наличие пожара, в то же время все они утверждают, что огонь в тайге действительно был. И появился этот огонь с неба...

Вот что рассказывает об этом приангарец-крестьянин С. Б. Семенов:

«Дело было в июне месяце, утром. В то время я жил на Катанге, на фактории Ановар. На небе туч не было, светило солнышко. Я работал по хозяйству около избы. Вдруг вверху что-то блеснуло, и я увидел над тайгой огненное воспламенение. В то же время меня так обожгло, как будто на мне загорелась рубаха. Воспламенение было огромное, километра на два, но продолжалось оно недолго. Я успел только посмотреть, как оно скрылось за лесом. После этого сразу стало как-то темно, а потом получился взрыв. Меня отбросило на несколько метров, а когда я поднялся с земли, то увидел, что изба вся трясется, из окошек летят стекла и рамы. У амбара выбило дверь и сломало железную накладку...»

Что касается воронок в центре падения метеорита, то они приравнивались скептиками к естественным болотным образованиям, подобные которым имеются в Большеземельской тундре. В этой тундре я не был, а потому не могу сказать, насколько похожи воронки Великого Болота на мочежины Большеземельской тундры. В других же местах тундровых мочегин я видел немало. Не было в них недостатка и на нашем пути к Великому Болоту. Но достаточно взглянуть на Великое Болото, чтобы увидеть, как мало похожи эти воронки на мочежины: у мочегин не имеется таких обрывистых краев.

Впрочем, приведенные здесь возражения отчасти понятны, так как они делались заочно. Но, когда сам увидишь все это, сомнениям не остается места.

Кулик прав. Мертвая тайга и воронки на Великом Болоте — не что иное, как следы поцелуя таинственного посланца далеких миров¹⁾.

Страшен был этот поцелуй! Что было бы, если бы он пришелся не по безлюдной дикой тайге, а по какому-нибудь населенному пункту, такому, например, как Москва?..

Метеориты врываются в земную атмосферу с космической скоростью, равной приблизительно сорока километрам в секунду. Результатом такой скорости является сильнейшее сжатие воздуха, температура которого возрастает до нескольких тысяч градусов; это и вызывает образование вокруг метеоритной массы раскаленного газового облака, имеющего форму шара. Такой огненный шар носит название болида.

Войдя в атмосферу Земли, метеориты теряют скорость. Однако скорость тунгусского дива, благодаря его большим размерам, была огромна. Колоссальное давление метеорита на воздух равносильно мощному удару, а потому, войдя в атмосферу, он раздробился на части и вонзился в землю роем осколков разной величины. Вместе с осколками в почву ударила и струя огненных газов; отразившись, она распространилась во все стороны подобно водяным брызгам. Отсюда — радиально поваленная тайга и следы ожога на растительном покрове.

Как глубоко ушли в почву осколки метеорита, сказать пока нельзя, так как это возможно установить только раскопками. Невозможно также определить и общий вес метеоритной массы. Несомненно, однако, что тунгусское диво по своим размерам должно быть отнесено к числу тех колоссов, которые в метеоритике насчитываются лишь единицами.

Вспомним знаменитый Аризонский метеорит в Америке, упавший еще в доисторические времена и содержащий одного только железа более восьми миллионов тонн. Где-то в песках Сахары лежит еще один небесный гигант. Этот метеорит пока еще не изучен, — о нем имеются лишь неясные рассказы бедуй-

¹⁾ Некоторые ученые полагают, что этот метеорит является осколком кометы Понс-Винске, пересекавшей 30 июня 1908 года орбиту Земли.

нов и арабов, приносивших от него кусочки камня.

Но главная ценность небесных гостей заключается не в их объеме, но в их составе. Большинство изученных метеоритов, как известно, содержит в себе большой процент железа, но иногда в них попадаются и такие минералы, которых на Земле нет. Кто знает, может быть частицу таинственного неземного вещества принесло с собой и тунгусское диво?

XIX. В гостях у Кулика.

Исходя из наших запасов, мы думали ограничить свое пребывание на Великом Болоте самое большее тремя днями. Но когда сказали об этом Кулику, он заявил:

— В такой срок я не успею закончить своих работ. В крайнем случае оставьте мне пару лошадей. Мы с Китьяном выберемся потом.

На это, понятно, мы согласиться не могли. Правда, мы нашли ученого здоровым и бодрым, но это надо отнести на счет его крепкого организма, а также того воодушевления, которое не покидает его ни на минуту. Он сильно изнурен однообразным скудным питанием, и ему, несомненно, нужен отдых, а главное — перемена режима. Я думаю, мы плохо выполнили бы свою задачу, если бы вернулись без Кулика.

Проверив еще раз свои вьюки, мы нашли, что если провести жесткий режим экономии, можно удлинить предположенный срок дня на три. Это удовлетворяет ученого лишь отчасти.

— Шести дней будет достаточно в том случае, если вы не откажетесь принять участие в моих работах.

Мы, конечно, рады помочь ученому. И вот, вооружившись измерительной цепью, киркой и топорами, мы отправляемся на болото. Работа двойного рода: надо произвести магнитные наблюдения на воронках (чему ранее препятствовала их недоступность), а также закончить начатый Куликом разрез торфяного бугра между двумя кратерами. Наблюдения с магнитометрами покажут, как велика в кратерах магнитная аномалия, а это в свою очередь докажет нахождение в них масс метеорита. Разрез почвы покажет характер строения краев воронок; таким образом можно будет определить являются ли воронки естественными образованиями, или же их появление вызвано посторонней причиной.

Работы, однако, подвижутся туго.

В косматой белой дохе, верхом на белой лошади Кулик напоминает Белого Человека, который по словам тунгусских легенд, живет в лесах...

Наблюдениям мешают непрерывные магнитные бури, инструменты приходится постоянно перемагничивать, а рыть вечную мерзлоту ручным способом, да еще теми примитивными орудиями, которые нашлись у Кулика,—дело нелегкое. Промерзшая почва из торфа и ила тверда как сталь.

Митя работает в шурфе с большим увлечением. А вдруг ему попадется осколок метеорита? Можно прославиться на весь мир! Неплохо также вырыть клык мамонта,—тунгусы говорят, что в здешних местах костей этих животных сколько угодно. Однако кроме древесных кусков в мерзлоте ничего не падает. Митя бросает кирку и говорит:

— А что вы скажете, если бы я пошел за белыми куропатками? Сохатина, кажется, уже всем надоела.

— Лучше копай, браток, — говорит Вологжин. — Знаем мы твоих куропаток!

— А мы знаем твоих глухарей,—паритует комсомолец. — Беги скорей за ружьем, вон глухарь сидит.

Этим он намекает на слабость Воложина стрелять в кошки и колоды, принимая их за сидящих глухарей. Подобными любезностями приятели обмениваются при всяком удобном случае, но каждый чувствует себя плохо, если долго не видит другого.

Между тем зима спешит наверстать упущенное время. Снег доходит почти до колен, а ртуть в термометре Кулика каждую ночь понижается на несколько делений. На четвертый день нашего пребывания на Великом Болоте ученый отметил в своих записях 18° мороза. Кулик ведет точные метеорологические наблюдения.

Работы продолжают до темноты, но для ученого трудовой день еще не окончен. Наскоро покончив с обедом, Кулик и Суслов, помогающий ему в работе с магнитометрами, приступают за работу дневных результатов; остальные проводят время сообразно своим вкусам. Комсомолец пользуется случаем протереть винтовочку, а Вологжин, не успев добраться до нар, принимается выделывать носом неподражаемые рулады. По выражению комсомольца, он засыпает—как из пушки стреляет.

В избушке тихо. Пламя свечи, колеблемое ветром, бросает на бревенчатые стены трепетные блики. В железной печурке потрескивают смолистые поленья. За стенами сердится холодный норд. Возясь с иглой, Китьян накладывает, кажется, сотую заплату на свои штаны. Склонившиеся над столом фигуры погружены в математические выкладки. Наконец большие очки Кулика открываются от листа бумаги:

— А не пора ли, товарищи, приступить к чаепитию?

Обращение относится к Китьяну и означает, что тот должен подавать на стол ведро с кипятком. Чтобы как-нибудь сгладить свое одиночество, таежные робинзоны условились обращаться друг к другу только во множественном числе.

«Товарищи ушли за водой...» «Товарищи колят дрова...» «Товарищи сегодня не в духе...» — Такие выражения, относящиеся к одному Китьяну, приводили нас в недоумение, пока Кулик не объяснил в чем дело.

За чаем начинаются разговоры. Ученый рассказывает о своей жизни на Великом Болоте.

— Вы спрашиваете, приходилось ли мне тут переживать что-нибудь страшное, — улыбаясь, говорит он. — Даже не раз. Взять хотя бы вот этот случай. Это было в августе, когда в Хушмо еще ловилась рыба. Обычно мордами занимался Китьян, но в этот день я пошел на Хушмо сам. Отсюда вышел после обеда, по дороге увлекся преследованием попавшейся на глаза белки, а когда осмотрел морды, вынув из них пару хариусов, уже совсем стемнело. Между тем стал накрапывать дождь. Малые ребята меня тут не ждали, а что касается товарищей Китьянов, то они были предупреждены о возможности моей задержки. Словом, я решил ночевать на Хушмо.

Вы, вероятно, видели там жестяной чайник, — мы держим его на случай таких ночовок, чтобы было в чем вскипятить чай. Добавив к чаю зажаренных на углях хариусов, я почувствовал себя совсем неплохо. Покончив с ужином, я тотчас завалился спать. Собаки, между прочим, были со мной. И вот среди ночи они поднимают вдруг такой лай, что от него проснулся бы мертвец. А я сплю чутко.

Проснулся и не знаю, что подумать; конечно, собаки могли лаять на какого-нибудь зверя, но в данном случае псов доносился какой-то звук, и этот звук более всего был похож на крик человека. Не доверяя, однако, своему слуху, я взял ружье и вышел из зимовья. Темнота абсолютная, тишина такая же. Собаки так и захлебываются, но далеко

немного не по себе. В то же время оставить этого было нельзя, я должен был выяснить эту чертовщину. Я взвел курок, шагнул вперед и, придав своему голосу возможную твердость, крикнул: «Выходи, кто есть, буду стрелять!»

«Гу-гу!..» — точно в пустую бочку по-неслось из темноты, и тут я понял, с кем имею дело. Ну, конечно, об этом можно было бы догадаться с самого начала, если бы нервы не были натянуты продолжительным одиночеством. Это был филин-пугач...

Завев печь медведь свалил себе на голову трубы и так козугался, что без оглядки пустился наутек...

не бегут вертятся около моих ног. И вдруг из темноты густым таким баритоном «Эй, эй!..»

Я даже оторопел. Крик несомненно принадлежал человеку, а между тем откуда ему взяться в этой мертвой стране, за сотни километров от жилья? Может быть это кричит Китьян? Но чего ради он будет кричать в лесу? Да на него и не стали бы лаять собаки.

«Го-го-го!.. Кто там?» — закричал я в свою очередь в темноту. Крикнул, да тут же и присел. — «Ха, ха, ха!».. — услышался мне в ответ хохот, да какой! Так не смеется и Шалапин в роли Мефистофеля.

А теперь поставьте себя на мое место ночь, темнота, вокруг мертвая страна, в которой не живет даже зверь, — и вдруг вам в лицо что-то хохочет сатанинским хохотом. Не знаю, как чувствовал бы себя другой, но мне было

XX. «Следопыт» оставляет следы.

В намеченный срок закончить работ все-таки не удалось. Пришлось пожертвовать еще одним днем. Наконец, 28 октября мы покидаем Великое Болото. Ученый берет с собой наиболее ценные инструменты, каковыми являются в первую очередь магнитометры. Это те самые приборы, которые участвовали в работах по определению Курской магнитной аномалии. Кроме инструментов взято также несколько пород со дна и краев метеоритных кратеров.

Покидая свое Болото, Кулик доволен достигнутыми результатами. Магнитные наблюдения с достаточной ясностью показали наличие в глубине кратеров метеоритных масс, а шурф, хотя и небольшой, полностью подтвердил характер образования окружающих воронки бугров. Эти бугры не что иное, как выбро-

сы, произведенные метеоритными осколками.

В косматой белой дохе, с заиндевевшей бородой, верхом на белой лошади, Кулик напоминает мне того Белого Человека, который, по словам тунгусских легенд, живет в лесах. Впрочем, за последние годы Кулик так много времени провел в тайге, что она стала ему настоящим домом. Поднявшись на перевал, он бросает последний взгляд на свою избушку. Мне кажется, Кулик думает о том, скоро ли он снова ее увидит. Избушка, угрожая смертью незванному гостю настороженной за ее дверью винтовкой, будет ждать своего хозяина.

Ученый предполагает вернуться сюда через два месяца, чтобы приступить к выемке частей метеорита при помощи вымораживания и раскопок.

Выступив после полудня, мы успеваем засветло дойти только до лагеря № 13. Залабаживаем здесь остающиеся вещи ученого и на следующий день прощаемся с Хушмо. Выюки сильно отощали, но еще более отощали лошади. Хватит ли у них сил совершить обратный путь? А он далек и, вероятно, будет не легок. Правда, нам теперь не придется иметь дела с болотами и топями, но снежные сугробы, на которые не скупятся небеса, — удовольствие не очень большое.

В довершение всего у нас малы запасы «горючего», а морозы требуют усиленной «топки». Сахар кончился, хлеб на исходе. Остается несколько банок консервов да лопатка сохатины.

Медленно надвигается хребет, названный Куликом «Хребтом Хладни» в честь ученого, который одним из первых восстал против косных идей Парижской академии и доказал, что камни действительно падают с неба. С перевала я бросаю последний взгляд на Страну Мертвого Леса. Она попрежнему хранит безмолвие, но, покрытая белой пеленой искрящегося на солнце снега, выглядит менее мрачно. Три ворона медленно плывут над ее простором.

Тайга стоит вся белая, сгибаемая ветви под тяжестью кучты. Сухой дождь сыплется сверху при прикосновении к стволам. Пушистый ковер у подножий деревьев расписан таежными узорами. Тут поставила печати своих лапок любитель-

ница хвойных лесов маленькая белка, там пушистым хвостом замела снег осторожная лиса, а через густой осинник проложена настоящая дорога: это прошло стадо сохатых.

Пешком много не пройдешь по рыхлому снегу, а влезешь на коня, мерзнут ноги и руки. Время проходит в своеобразной вольтижировке: мы то садимся на коня, то спрыгиваем с седла. Двигаясь гуськом, мы не можем разговаривать друг с другом и поневоле должны ограничить свои интересы теми ожесточенными свалками, которые время от времени устраивают между собой наши собаки. К ним присоединились три пса с Великого Болота.

Вопреки ожиданиям комсомольца, Серко ничуть не исправился. Несмотря на свой большой рост и острые клыки, он не принимает участия в свалках, так как все его помыслы сосредоточены лишь на том, чтобы стащить что-нибудь. Это, однако, не огорчает его хозяина: он заливается хохотом, когда псу удается привести в исполнение свои гнусные замыслы.

Вот и красавица Макитта. Теперь не слышно ее торопливого рокота. Скованная льдом и прикрытая белой шубкой, она угомонилась надолго. Копыта лошадей попирают ее твердую грудь, переходя на другой берег.

Ночуем «под сентухом», как говорят ангарцы, то-есть под открытым небом. Тайга стынет в холодной неподвижности, изредка грохоча морозными выстрелами. Жемся к костру, но около огня надо вертеться волчком: отогреешь руки и ноги — коченеет спина, согреешь спину — деревенеют ноги.

— Вот тут и вспомнишь мою избушку, — говорит Кулик, растирая озябшие руки. — Не даром я тащил буржуйку на собственном горбу.

«Буржуйка» — железная печь и она имеет свою историю. Расставшись со своими сотрудниками в августе истекшего года на фактории, Кулик отправился в тайгу. Он захватил с собой железную печь с трубами, а также несколько листов оконного стекла для окна в зимовье. Стекло нес Кулик, а печку — Китьян. На третий день пути Китьян заболел, и Кулику пришлось взвалить на плечи также и печку. Груз не столько

был тяжел. сколько неудобен, но ученый тащил его безропотно. Оберегая стекло от малейших ударов, Кулик донес бы его в целости, если бы в это дело не вмешался неуклюжий таежный «хозяин»

Предоставляю слово Кулику:

«На ночь мы остановились на берегу Хушмо. С едой у нас было слабо, а потому попив чайку, поскорей завалились спать так как во сне не чувствуешь голода. Буржуйку я поставил вблизи под деревом сверху водворил трубы, а сбоку прислонил завернутое в бумагу стекло. Сквозь сон вдруг слышу какую-то возню, гремит кто-то железом. А ночь была лунная, хоть книгу читай. Смотрю под дерево, где стояла печка, — батюшки мои — медведь пришел, блины собирает печь. Ну, думаю, сейчас я тебя угощу горяченьким! Только потянулся за ружьем — вдруг под деревом грохот, треск, рев... Печка — в одну сторону, зверь — в другую. Задев печь, он свалил себе на голову трубы и так испугался, что без оглядки бросился наутек. Подошел я к месту происшествия, да так и ахнул: буржуйке, понятно, ничего не сделалось, но стекла были разбиты вдребезги...»

Вспоминая эту историю, мы устраиваемся на ночлег по таежному способу: раскидываем головешки костра и на горячую золу кладем настил из еловых ветвей, на котором расстилаем спальные мешки. Прогретая земля долго сохраняет тепло. Рядом со мной устраивается Кулик.

— Леонид Алексеевич, — обращаюсь я к нему, — гора, у подножья которой мы сейчас лежим, кажется, еще не имеет названия?

— Совершенно верно. Это последняя возвышенность в цепи гор, которые мы назвали Ожерельем Макитты.

— Следовало бы этой горе дать отдельное название. На пути в Страну Мертвого Леса она является первым ориентировочным пунктом со стороны Кантаги.

— Как же мы ее назовем? Придумайте.

— Например, «Горой Следопыта». Что вы на это скажете?

— Великолепно! Это название подходит к ней как нельзя лучше.

Общее собрание утверждает мое предложение. На следующий день я делаю топором на толстых листовниках два гладких затеса и химическим карандашом вывожу надписи.

На одном:

Всемирный Следопыт
19 октября 1928 года.

На другом:

Гора Следопыта

Макитта треском лопающегося льда салютует таежным октябринам, а нареченная озаряется светлой улыбкой: луч утреннего солнца падает на снежную вершину, и она загорается ярким алмазным сиянием.

Покидая ночлег, я несколько раз оборачиваюсь назад. Гора Следопыта гордо поднимает свою голову над таежным простором. Наконец, исчезая из глаз, она сливается с туманной далью.

XXI. Месть Огды.

Тунгусы никогда не называют друг друга по имени, заменяя его словом «бае», что соответствует у нас обращению «товарищ». Назвать тунгуса в глаза его настоящим именем — значит нанести обиду.

Такую оплошность я сделал, разговаривая с тунгусом Лючетканом. Когда я назвал его тунгусским именем, Лючеткан ткнул себя в грудь и, нахмурившись, строго сказал:

— Мой звать Илья Потапыч... Илья Потапыч Петров — вот...

Вероятно, поэтому все тунгусы помимо своих имен, которые можно употреблять только заочно, имеют русские имена и фамилии. Я, понятно, тотчас же постарался загладить свой промах по отношению к Лючеткану, угостив его крепким табаком. А когда его гнев прошел, спросил, почему нельзя тунгуса называть по-тунгусски.

Я делаю топором на листовницах два затеса и карандашом вывожу надпись...

— Тунгус — вера такой, — ответил он обычной фразой.

Лючкетан словоохотливый парень и много рассказал мне разных историй, когда мы были на Ановаре. Я вспоминаю рассказ о том, как грозный «дух Огды» отомстил одному тунгусу, осмелившемуся пойти туда, где «он» валил огнем тайгу.

«Это был богатый тунгус. Тайга от устьев Чамбе до истоков Кимчу была его охотничьим угодьем. Тут у него паслось более полутора тысяч оленей, стояли лабазы, в которых было много добра. Хорошо жил этот тунгус, но налетел с неба огонь на его тайгу, и все погибло...

«Совсем бедный стал тунгус. Орон ¹⁾ нет, лабаз нет, ничего нет, как жить будешь? Большой беда! Пошел к лючкупцу просить мука — выгнал купец. «Ты, — говорит, — бедный стал, белка у тебя нет, не дам мука». Что делать? Думал тунгус, думал и пошел на Хушмо, где ороны паслись, лабазы стояли, — может, оставил что Огды.

«Идет тунгус — тайга лежит, черный весь, большой огонь был. Слышит вдруг: «Эй, тунгус, не ходи туда, худо будет...»

¹⁾ Орон (по-тунгусски) — олень.

Испугался он, знает, что это Мога Мугунын ²⁾ говорит, а знай идет, хочется ему орон найти. И вот видит: идет впереди орон. Его орон, а только диво-диво: черный весь орон, как будто огнем палило, а идет, и рога у него светятся, горят как будто. Еще больше испугался тунгус, а только хочется орона поймать, идет за ним. А Мога Мугунын опять: «Эй, человек, худо будет!» Не слушает тунгус, совсем голова ум ачин ³⁾. Знай идет, и орон идет. Он за ним, тот от него, тунгус бегом — орон бегом, тунгус шагом — орон шагом.

«Так — целый день, а тут самый пора — ночь. Орон идет совсем тихо — рукой можно достать. Вот протянул руку тунгус, за рога хочет взять — и диво-диво: огнем засветился орон, вспыхнул, как гулиун ⁴⁾, и пропал. Пришел тогда ум к тун-

²⁾ Мога Мугунын — дух леса.

³⁾ Совсем ума лишился.

⁴⁾ Гулиун — костер.

гусу затрясся он. Бросился бежать назад в свой чум. Бежит, а Мога Мугунын кричит «Поздно. тунгус, поздно!..» Прибежал он где чум его стоял, и видит: опрокинут чум, челяденки нет, а баба лежит тут только мертвая,—как ходил он за ороном. пришел амикан ¹⁾, опрокинул чум и бабу загрыз...»

Теперь к этому рассказу о мести страшного Огды будет присоединен новый, потому что действительно, точно сердитый «дух» мстит аванькам за посещение Мертвого Леса. Наш проводник тунгус Павел покинул нас на другой день по прибытии на Великое Болото, а вернувшись на свое становище, увидел, как жестоко наказал его Огды. На месте избы—одни обгорелые головешки да одиноко торчащая труба печки. Зимовье Павла сгорело до тла, а вместе с ним и все несложное добро тунгуса. И нужно же было этому случиться именно тогда, когда он пошел с нами на место «гнева Огды»!

— Все кончал, — угрюмо, избегая смотреть нам в глаза, говорит тунгус. — Один чум остался.

— Как же это произошло?

Тунгус пожимает плечами:

— Ночью огонь пришел. Ребята спали, баба белку промышляла. Кто знает?..

Он смотрит на меня. «Вот видишь,—читаю я у него в глазах,—ты говорил, что Огды нет. Кто же это сделал?»

Для нас причина пожара ясна: ночью топилась печка, за которой не досмотрели ребята. Но убеждать тунгуса, что Огды тут не при чем, совершенно бесполезно. Скверно, что часть вины ложится на нас ведь мы увели Павла в Страну Мертвого Леса.

Суслов говорит:

— Вот что, Павел, беда большая—это верно, но ты не горюй. Ты был на суглане в Байкитах и слышал, что теперь у люче другая власть, хорошая. Она теперь не берет с аваньков ясак, как брал царь, и хочет, чтобы вы жили хорошо. Она помогает тем, кого постигла беда, а потому поможет и тебе. Иди с нами на факторию и там ты получишь что тебе нужно на первое время.

Лицо тунгуса светлеет.

— Ладно, ты иди, а я догоню. Орон надо собрать, — отвечает он.

В Ановаре тунгус получает все необходимое для первого обзаведения — как ссуду от комитета взаимопомощи. Советизация Тунгусии, благодаря географическим и бытовым условиям, сопряжена с огромными трудностями, но тем не менее она имеет большие достижения. Тунгусы организованы в родовые советы, в которых они сами решают свои дела, а в этом году в Байкитах, на Подкаменной Тунгуске, аваньки были созданы на съезде для организации вика. Имеются у них и комитеты взаимопомощи.

— Ну, спасибо, спасибо, — говорит Павел, нагружая мешки на оленей, — большой помощь люче дал. Теперь мой белку промышлять...

На суглане в Байкитах был поднят тунгусами также и вопрос об их взаимоотношениях с русским населением. Как я уже отмечал, эти взаимоотношения имеют ненормальный характер. В поисках за белкой русские охотники все глубже и глубже проникают в охотничьи угодья аваньков, заставляя их уходить на север. «Люче хищнически относятся к зверю, не соблюдая сроков охоты, обкрадывают лабазы, таскают добычу из тунгусских ловушек», — так формулировали тунгусы свои обиды на съезде.

Съезд постановил: установить границу между русскими и тунгусскими охотничьими угодьями и просить Туруханский рик об ее охране. Граница установлена по реке Подкаменной Тунгуске. Охрана этой границы, понятно, дело сложное, но все же властям Приангарья следовало бы разъяснить населению, где можно промышлять зверя, а где нельзя. По крайней мере, русские охотники, переходя эту границу, в один голос утверждают, что о запрете для них охоты к северу от Подкаменной Тунгуски им ничего не известно.

Суслов, являющийся председателем Комитета Севера, заинтересовался этим вопросом. Беседуя с тунгусами, он изыскивает способы ограждения их лесов от вторжения русских охотников. Повторяю, в виду огромных пространств и отдаленности от населенных пунктов — дело это трудное, но что-то в этом направлении должно быть сделано.

¹⁾ Амикан — медведь.

XXII. В борьбе со снегом и морозами.

Снег с каждым днем увеличивается в высоту, а морозы становятся все более колючими.

До Ановара у нас была надежда, что, может быть, дальше окажется возможным ехать на санях. Каждый год после выпадения снега Госторг высылает отряд рабочих для расчистки тропы между Кежмой и Катангой, чтобы направить сюда обозы с товарами. Но для этого было еще слишком рано. «Топтуны», как называют здесь этих чистильщиков, еще не проходили, и нам приходится прокладывать путь самим.

Ехать на санях целиной через колодник и бурелом — дело довольно трудное, но в Ановаре мы принуждены были взять одни волокуши.

Трудности пути уже заметно сказываются: кое-кто, в том числе и Кулик, не могут ехать в седле. Пока это лишь общее изнурение и легкие обмороживания, но путь еще далек.

Вдобавок — серьезнейший кризис с продуктами.

Гоняться за рябчиками и глухарями по глубокому снегу невозможно, поэтому приходится довольствоваться налимами, которых нам удалось получить во время остановки на Ановаре. На фактории мы не могли сделать никаких запасов, кроме хлеба, но и его много взять было нельзя — лошади и так едва тащат ноги.

Наше спасение — поскорей выбраться на Ангару, и мы не щадим ни собственных сил, ни лошадей. Выступая в темноте, идем до глубокой ночи. Когда приходим на ночлег, не у всех хватает терпения дожидаться, пока сварятся налимы, — мороженная рыба рубится топором и поедается сырым. В другое время мороженный налим показался бы, пожалуй, и вкусным, но всякое блюдо опротивит, когда его ешь изо дня в день.

Но мы еще туда-сюда, главное — лошади.

Зимой в тайге кормить их нечем. И когда на Чадобце из строя выбывают три лошади, наше положение становится критическим. До ближайшего жилища поселка Мозгового — 80 километров; у лошадей — ни кило овса, у нас — один мо-

роженный налим, банка консервов и несколько горстей крошек от сухек.

Комсомолец предлагает произвести переворот — свергнуть заведующего хозяйством Вологжина, так как он является виновником нашего бедственного положения. Да и кроме того, по подсчетам Мити, у нас должна быть не одна банка консервов, а две. Где же вторая?

— Ты забыл, — говорит ему на это Вологжин, — эта банка была у тебя в кармане, когда ты путешествовал на Катанге за рябчиками. Вероятно, у тебя вытащил ее медведь, с которым ты повстречался по дороге.

Но, шутки шутками, а нам надо что-то предпринять. Лошади не вывезут нас из тайги. Собираем совет.

— Отправиться двоим или троим на лучших лошадях вперед и, добравшись до поселка, выслать остальным свежих лошадей, — таково решение.

Едем трое: Сытин, Вологжин и я. Покидая тепло охотничьего зимовья, смотрю на часы: три часа ночи. До рассвета далеко, но медлить нельзя. С вечера бушевала свирепая пурга, но когда влезает в седла — вокруг тихо, небо чистое. Дрожат и сверкают крупные звезды. Опясанная зеленовато-розовым кругом луна льет на тайгу потоки света, но внизу, под пологом снежной кухты темно.

Мертво, пусто, безмолвно... Медленно уходят назад тайга, гари, мочежины. Несколько раз сбиваемся с тропы, о присутствии которой под толщей снега приходится лишь догадываться. Лицо колет миллионами острых игл; немеют руки и ноги. А итти пешком — небесный песок выше колен.

Вот на востоке бледнеет небо. Один за другим исчезают небесные светляки. День занимается ослепительно яркий, — больно глазам от искрящегося снега. Но с дневным светом не оживает тайга. Все притаилось, спасаясь от холода, — в ветвях, в снегу, под корягами, колодами. Вот фыркает над головой пестрый рябчик, за ним — другой, но холод побеждает страх. Усевшись на соседнем дереве, они сжимаются в комочки и не обращают на нас внимания.

Дичь нам не нужна, но она будет не лишней для оставшихся позади. Снимаю с плеча ружье, коченеющим пальцем на-

жимаю спуск, но вместо выстрела—едва слышный щелчок. То же повторяется во второй и третий раз. Смазка в курках застыла и пружина не в состоянии разбить пистона. Это бывает только при холодах свыше тридцати градусов.

Желание привесить над тропой пару рябчиков для оставшихся товарищей остается невыполненным:

На месте избы — одни обгорелые головешки, да одиноко торчащая труба печки...

разогревать замерзшее ружье нет времени. Снова кони вязнут в снегу. Дойдут ли однако, они? Скрытый сугробами бурелом устраивает настоящие ловушки, в которых нетрудно сломать ногу. Но, словно понимая серьезность положения, животные бодро борются с выпавшими на их долю невзгодами.

Преодолев подъем небесного свода, солнце добралось до высшей точки своего пути, а затем покатилося книзу. Я около часа иду рядом с конем, но не могу согреться. Это скверный признак,—в организме так мало осталось теплоты, что она уже не в состоянии бороться с хо-

лодом. Хорошо бы лечь в эту пушистую белую постель и заснуть! Мысль о сне заглушает даже ноющий голод...

От лошадей валит пар, они качаются и тяжело дышат. Но уже близок конец. Тайга редет и вдруг разжимает свои объятия. В сумеречном свете открывается глубокая долина Ангары. На угорье мелькают огоньки поселка.

Трудному, бесконечно долгому походу конец!

В тайгу отправляются три подводы, и после этого нам ничто не мешает выспаться на кроватях мозговских обывателей. Но до Кежмы, где предстоит длительная остановка, осталось лишь 15 километров. Не лучше ли разом покончить с этим?

Берем двое саней; наших кляч вручаем ямщику. На свежих лошадях домчимся быстро, а он подъедет не спеша. Мороз еще крепче. Коняжки дружно выносят за околицу. Ямщик, однако, не хочет отставать, но уставшим животным за нами не угнаться.

— Стой! — кричит он из темноты.

— В чем дело?

— Вы очень быстро гоните.

— Вот тебе раз! Мы уже уговаривались, что поедем шиб-

ко, лошадки у тебя хорошие.

— Если поедете шагом — ежайте, а то отберу лошадей, — категорически заявляет он.

Шагом! Мы только потому его и взяли, чтобы ехать рысью, а шагом нас довезут и наши кони. Спорить с упрямым, однако, было бесполезно. Возмущенные, мы вылезаем из саней.

— Можешь со своими лошадьми отправляться назад.

Мужик не возражает. Садится в сани и исчезает.

— Знаете в чем тут дело? — говорит Вологжин. — Ночью тут многие не рискуют ездить, боясь привидения Петрунькина ручья.

И он рассказывает нам целую легенду. Когда-то в ручье, который мы будем

переезжать, трагически погиб местный парень Петрунька, и вот с тех пор его беспокойный дух блуждает тут по ночам. То вскочит на спину запоздалому путнику, то напугает страшным хохотом, то блуждающим огоньком носится по тайге. Какой-то храбрец пытался вступить в борьбу с привидением, да едва жив остался.

Дорога идет под гору. Вот он — Петрунькин ручей. Я смотрю в темноту. Среди леса мелькает что-то красноватым отблеском. Не это ли блуждающий Петрунькин огонь? Нет, это, поднимаясь над горизонтом, горит звезда Арктур. Впереди также загораются огоньки. Это Кежма.

XXIII. Конец пути.

Вступление в приангарскую столицу наших главных сил носило далеко не победный характер. Закутаные во что только можно, с забинтованными носами, тощие и бледные, наши товарищи были похожи на французов, удиравших от русских морозов в 1812 году. Но теплота жилья, баня, а главное — блины и пельмени, которыми без конца угощали нас кежемские хозяйки, сделали свое дело: мы снова готовы бросить вызов тайге, но этому противится буйная Ангара.

Холода достигают 38°, а река не хочет хоронить подо льдом своих бурливых вод. Можно бы ехать закраинами, но на ту сторону все равно не переправиться. Приходится ждать ледостава.

Кулик, стряхнув тяготы дороги, снова полон энергии. Целыми днями занят подготовкой к работам на Великом Болоте.

Он формирует отряд рабочих, который теперь же должен отправиться к метеориту, чтобы забросить туда фураж и кое-какие инструменты. В связи с этими работами он думает сделать остановку в Красноярске, чтобы договориться там с топографами о производстве съемки Страны Мертвого Леса, а также выяснить наличие буровых машин, нужных для извлечения осколков метеорита.

Наконец морозы берут верх над рекой, а ученый заканчивает деловые разговоры. Митя шлет последний привет паре голубеньких глаз, на которых было сосредоточено его внимание во время пребывания в Кежме. Серко, вероятно, чувствует, что должен смягчить своему хозяину горечь разлуки, — задрав хвост, он с лаем несется за его санями.

Опять плывут назад бесконечные таежные просторы, но близок, близок конец. И не сердится ли на нас тайга, что мы уходим из нее целыми? Угрожающе наклоняясь над дорогой, лиственницы и ели стонут под напором пурги, и дико пляшут вокруг снежные вихри.

Шумит, бушует непогода,
Далек, далек бродяги путь.
Укрой его, тайга глухая,
Бродяга хочет отдохнуть...

Ямщик обрывает песню, — резкий, давно неслышанный звук несется навстречу. Это свисток паровоза. Я оглядываюсь назад. Там остались почти две тысячи километров, отмеренных всеми способами таежного передвижения. Конец тайге, ее безмолвию, легендам! Железный лязг приближающегося поезда врывается в бессильные завывания пурги...